

Иванн Черняев

Круги по воде

Записки провинциала

Иванн Черняев

Круги по воде.
Записки провинциала

«Издательские решения»

Черняев И.

Круги по воде. Записки провинциала / И. Черняев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980938-4

Очерки о знаковых событиях и поездках автора — это желание в определённых жизненных обстоятельствах, переделав материалы со своих блогов в своеобразные очерки, пережить эти события ещё раз, заново прочувствовав встречи и знакомства с хорошими творческими людьми. Это попытка проиллюстрировать читателю, что жизнь — это круги по воде от однажды брошенного камня, которые с каждым кругом охватывают всё большую и большую площадь водной поверхности.

ISBN 978-5-44-980938-4

© Черняев И.
© Издательские решения

Содержание

Из цикла «ПЕРВЫЕ ШАГИ»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Круги по воде

Записки провинциала

Иванн Черняев

© Иванн Черняев, 2020

ISBN 978-5-4498-0938-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И. ЧЕРНЯЕВ. «КРУГИ ПО ВОДЕ»

«Нон-фикшн» или «не вымысел» – таким термином последнее время принято обозначать жанр документальной прозы. «Круги по воде» – классический образец книги, в которой, практически, нет вымысла. В ней талантливый поэт Иван Нечипорук представляет свой взгляд «изнутри» на события нескольких прошедших лет, причём, не только личные и литературные, но и те, невольными участниками которых стало большинство его земляков из Донбасса, до недавней поры мирного, добродушно-работящего и ценящего честный труд во всех проявлениях – и на шахте, и на заводе, и за письменным писательским столом. Вот, как он сам пишет о своей новой книге:

«Для автора это желание пережить события ещё раз, заново прочувствовав встречи и знакомства с хорошими творческими людьми. Это попытка проиллюстрировать, что жизнь – это круги по воде, которые с каждым кругом охватывают всё большую и большую площадь. И когда они закончатся, и восстановится ровная поверхность водной глади – не дано предугадать»...

Горловка и Донецк, Переделкино и Луганск, Славянск и Макеевка, Харьков и Запорожье, Ялта и Балаклава – такова краткая география событий, а исторический и биографический контекст их – постепенное становление писателя, обретение им собственного поэтического голоса, участие в знаковых событиях литературной жизни, общение с совершенно разными, но одинаково интересными людьми. Людьми, оказавшими влияние и на творческую судьбу автора, и на развитие литературного процесса в регионе и за его пределами.

Общеизвестна плеяда шахтёрских поэтов, среди которых Николай Анциферов, Виктор Шутов, Анатолий Романенко, Николай Погромский, Виктор Мостовой, Николай Тютюнник, Геннадий Щуров, Андрей Медведенко... И, безусловно, Иван Нечипорук, долгое время работавший профессиональным шахтёром, и ставший высококлассным поэтом. Как происходило это превращение и за счёт чего? Конечно, в первую очередь благодаря напряжённому и целеустремлённому труду, образованию и самообразованию, чтению и анализу прочитанного.

А что во вторую? Возможно, не во вторую, а наравне с этим ещё – общению. С пишущими людьми и читающими, с коллегами и друзьями на встречах, собраниях, фестивалях и конкурсах. Это – тоже обязательная часть становления литератора, и как раз о ней рассказывает Иван Нечипорук в своей книге. Рассказывает искренно и честно, подробно и увлекательно, не скрывая фамилии и имена, но не переходя грань, за которой откровенность превращается в пошлость и развязность, а детали описания – в сплетни.

Вероятно, потому, что порядочность – фирменный жизненный стиль Нечипорука, и это подтверждают все его друзья (да и враги тоже, когда не врут). Исподволь, постепенно мы проникаем во внутренний мир писателя по духу и характеру и, в то же время, человека одной из самых опасных и трудных профессий – шахтёра.

И вот уже позади непередаваемо счастливые ощущения после первых публикаций, выхода дебютной книги и знакомства с молодыми авторами и руководителями городских литературных объединений. Это стандартный путь, который проходит большинство пишущих людей, стремящихся к обретению мастерства и максимальной самореализации. Но не каждый, пройдя его, рискует вспоминать путевые вехи и подробно о них рассказывать. Тем ценней это повествование, из которого любопытно узнавать впечатления о событиях, знакомствах, встречах. Как, например, об одном из литературных фестивалей, который хорошо сравним с ярмаркой тщеславия:

«...Я не ожидал, что поэтический фестиваль – это не конкурс, а действо. В моём сознании поэзия и шоу – разные по духовному принципу вещи, но вот первый же фестиваль ломает все мои жизненные устои. Люди, преподнося свою поэзию, чуть ли не выворачиваются наизнанку. Татьяна Ковалевич, например, читая стихи, снимает с себя верхнюю одежду и швыряет её под ноги жюри. Одна из девиц, взяв в руки микрофон, усаживается потурецки на холодный асфальт, и всё своё выступление читает стихи в такой позе, хотя один из фестиваллеров – Леонид Борозенцев из Винницы не выдерживает, подбегает к ней сзади, приподнимает её и пытается подсунуть ей под пятую точку картонку.

Один из парней чуть ли не коршуном кружит над жюри, с нафосным криком выплёскивая им в лица текст, чуть-чуть не дотягивая до образа Гамлета в исполнении Высоцкого. В общем, без эпатажности – никак. ...Все события в моём уставшем мозгу воспринимаются, как некое скоморошество, ярмарка тщеславия и ёрничества, невзправдавшийся мир».

Осенью недоброй памяти 2014 года, когда военные действия на Донбассе ещё всюю кровоточили, и раны были свежи, а связи с Луганском ещё не было совсем, Иван Нечипорук смог достойно представить Межрегиональный писательский союз, членом Правления которого уже был на то время, на заседаниях Съезда писателей в Москве.

Это воистину удивительное собрание, которое регулярно проходит под эгидой Международного Сообщества Писательских Союзов, где дружески общаются представители почти всех бывших союзных республик. Писатели оказались мудрее политиков, они понимают, что делить, кроме таланта (а он у каждого свой), им нечего, зато есть, что умножать – культуру, любовь и уважением к художественному слову, в том числе, к великой русской литературе. Беречь и укреплять общее социо-культурное пространство.

Жаль, что последние годы власть пытается не то, что помочь писателям, но наоборот – отобрать у МСПС и особняк в центре Москвы, и дачный посёлок в Подмосковье. Это огорчает и озадачивает. С середины 90-х годов от Украины в МСПС входили Межрегиональный союз (с центром в Луганске) и Региональный союз писателей Приднепровья (с центром в Днепре).

Удивительна и сама атмосфера доброты и дружбы, в которую окунаются делегаты, переступая порог знаменитого Дома Ростовых, где пока ещё расположен центр МСПС, и аура здания, где стены увешаны портретами великих писателей прошлого, а кабинеты помнят Горького и Фадеева, Светлова и Михалкова, Тихонова и Айтматова... Будучи человеком любопытным (как и надлежит быть писателю), тщательным и дотошным, Нечипорук изучил историю этого легендарного особняка и кратко поделился ею с читателями. И, на мой взгляд, это получилось интересно и познавательно:

«...Наверное, нужно описать этот старинный особняк, получивший в народе имя Дом Ростовых (иногда усадьба Долгоруких или усадьба Соллогуба). Здесь некоторое время жила вдова А. С. Грибоедова Нина Чавчавадзе, часто бывал и Лев Николаевич Толстой, который потом и описал его в романе «Война и мир», как дом, в котором жила Наташа Ростова. После октябрьского переворота здесь первоначально разместилась ВЧК, но через год чекисты переселились на Лубянку, а в доме поселился Луначарский со своей семьёй. Уже в 1920 году

здесь располагался Дворец искусств (в котором читали свои стихи и Есенин с имажинистами, и Маяковский с футуристами, и многие другие поэты).

В 1921 году здание передали Высшему литературно-художественному институту им. В. Брюсова (в котором успели поучиться М. Светлов, А. Тарковский, И. Приблудный и др.). Во времена НЭПа дом был отдан в частные руки, и помещения сдавались в аренду под жильё. (Как говорят, в 50-х годах в одной из полуподвальных комнат жил начинающий поэт, выходец из Алтайского края – Роберт Рождественский). В 1934 году, с появлением Союза писателей СССР, усадьба стала штаб-квартирой этой организации, и до сего дня таковой и является, правда СП СССР теперь называется Международным сообществом писательских союзов...»

Не ограничившись изысканиями в истории Дома Ростовых, Иван Нечипорук делится не только впечатлениями о писательском Доме творчества Переделкино, где обычно останавливаются участники заседаний, но и небольшим исследованием истоков названия посёлка:

«...Располагается он на территории поселения Внуковское (к слову, герб которого украшают открытая книга и золотое перо) Новомосковского района. ...Максим Горький (когда новообразованному Литфонду был выделен участок для постройки коттеджного городка между усадьбами Самариных), именовал это урочище Переделкиным по имени деревни, которая раскинулась вдоль речушки Переделки, притока Сетуни. И платформу, как мне кажется, переименовали в Переделкино уже после появления городка, хотя некоторые авторы утверждают, что полустанок был переименован уже в 1920-х годах... Сейчас, как ни прискорбно это осознавать, на протяжении последних лет власти, в лице Росимущества, пытаются отобрать у писателей и посёлок и Дом творчества.

Причём, натравили на Литфонд и МСПС чиновников свои же светила русской литературы, отстранённые от руководящих должностей, и те, кто пытался приватизировать имущество Литфонда, но не удалось, и те, кто посчитали себя обиженными, вот и решили поквитаться. Сказать, что они плюнули в свой колодец, это ничего не сказать. Но не будем о грустном...»

Конечно, грустно, что может прерваться традиция, завершиться (без весомых объективных причин) эпоха писательского сообщества, начать окончательно разрушаться общее культурное пространство. Но пока это ещё не очевидно. И есть надежда, что здравый смысл победит корыстные устремления. Для Нечипорука и его коллег из Донбасса следующий визит в Дом Ростовых и Переделкино был связан с приятным событием – презентацией коллективной книги стихотворений «Строки мужества и боли», которая вышла в Москве при поддержке МСПС. Выход её стал настоящим событием культурной жизни и привлёк на презентацию много известных писателей и не только. Вот, как вспоминает начало мероприятия автор:

«...И вот наступает момент открытие. В первую очередь запланировано возложение цветов к памятнику Льву Толстому, который установлен в центре дворика Дома Ростовых. Очень символический, должен заметить, памятник. Эта скульптура является подарком Союзу писателей СССР от СП Украинской республики в честь 300-летия воссоединения Малорусского Левобережья с Московским царством. ...Встречу открывает Иван Иванович Перверзин, который передаёт слово Владимиру Середину, а он приглашает первым высказаться экс-премьер-министра Украины Николая Азарова. ...Дальше презентация идёт размеренно и целенаправленно. Аудитория всё воспринимает очень бурно и близко к сердцу. В зале у многих на глаза наворачиваются слёзы...»

Очень живо и интересно описаны в книге те несколько дней, которые делегация из Донбасса провела в Москве и Переделкино. Они вместили себя встречи с читателями в Подмосковье, посещение литературных музеев и мемориальных мест, чтение стихов (некоторые из кото-

рых, как отмечает автор, вызвали оторопь и досаду). Впрочем, и эпатажные стихи, и слишком близкая дружба с горячительными напитками – всё это часть имиджа для некоторых пиитов, считающих, что восхождение на Парнас должно обязательно сопровождаться головокружением не только от высоты слога, но и от крепости (отнюдь не рассудка, но напитка). Хотя, каждому – своё, и Нечипорук показал пример того, как, не теряя время, провести его в столице полезно. И описал визит к главному редактору журнала «Молодая Гвардия» известному поэту Валерию Хатюшину:

«...Валерий Васильевич встречает радушно, сходу вручая авторский экземпляр журнала с моими стихами. Усаживает нас в кресла, я представляю Наталию Владимировну Морозову-Мавроди, и Хатюшин тут же предлагает продолжить публикации авторов Донбасса. Видит Бог, мы даже слова замолвить не успели, как он сам предложил. Получилось по-булгаковски: „Никогда и ничего не просите, никогда и ничего, особенно у тех, кто сильнее Вас, сами всё предложат и сами всё дадут“. Мы беседуем о пустозвонных авторах, о теме войны в литературе. И хотя редакторское гостеприимство располагает к общению, засиживаться особенно некогда, и нас ждут внизу друзья-товарищи, да и Валерий Васильевич работал с рукописями, когда мы вошли, поэтому проводим в кабинете не более 15 минут, не злоупотребляя его радушием...»

Последним эпизодом в серии воспоминаний, представленных в книге, стало описание писательского съезда в Луганске, тоже подробное и лишённое пафоса и официоза. Но тем более интересное. Это традиционный для книги «взгляд изнутри», благодаря которому «круги по воде» виднее и отчётливее. В этих воспоминаниях не только рассказ о самом съезде, успешное проведение которого в той обстановке было сродни подвигу.

Оно стало знаковым событием, вошедшим в историю и запавшим в души не только участников и гостей, но и многих горожан, которым напомнили: музы не молчат, и центр крупного писательского союза, невзирая ни на что, продолжает оставаться в Луганске. В книге привлекают внимание поэтические пейзажные зарисовки осенних улиц, яркие портреты делегатов съезда, впечатление о посещении замечательного музея Владимира Даля и библиотеки имени Горького. И, как свойственно для Нечипорука, обязательно немного истории:

«...Луганска библиотека имени Горького известна с 1897 года, когда в Луганске была открыта земская библиотека, которая уже в 1919 году становится уездной, а в 1938 году областной. До 1945 года она не имела постоянной крыши над головой, и только тогда обрела постоянные стены на улице Ленина (Петербургской). А спустя 20 лет „Горьковка“ переехала в новое, специально построенное здание на ул. Советской, где и находится по сей день. Несмотря на то, что в 2014 году здание библиотеки очень пострадало во время обстрелов, сейчас оно восстановлено и предстаёт во всей красе. Нет, внутри ещё работы продолжаются, но фасад выглядит отлично, остекление восстановлено, дыры в стенах от снарядов и осколков законопачены, как будто их и не было...»

Как известно, дыры в стенах заделать легче, чем в душах. Для восстановления душевного мира, покоя, равновесия и столь необходимой уверенности в завтрашнем дне необходимо очень многое, чего литература дать не в состоянии. Но она может поделиться честным и доброжелательным взглядом на окружающий мир, доверительным, правдивым рассказом, искренними воспоминаниями о прошлом и ожиданиями будущего, без фальши и лицемерия. А это уже немало. И всё это есть в книге «Круге по воде», в которой отражение жизненных кругов проходит сквозь время, судьбы и события.

Владимир СПЕКТОР

<http://news.ap-ra.ru/news/i5467-vladimir-spektor-vzglyad-iznutri-o-knige-i-chernyaeva.html>

Из цикла «ПЕРВЫЕ ШАГИ»

В НАЧАЛЕ (1999)

И в забой отправился парень молодой.

Борис Ласкин

Мне кажется, практически любой человек, увлекающийся словотворчеством, по существу, явно или подсознательно должен тянуться к себе подобным.

Моё желание влиться в литературное сообщество было неразумно-бездейственным. Начав писать стихи в 1993—1994 годах, я, чувствуя себя почти состоявшимся «поэтом» (что неудивительно в семнадцать-восемнадцать лет), понимал, что для пишущего человека общение с «братьями по разуму» необходимо для саморазвития. И, тем не менее, набраться смелости и пойти в литературное объединение ни моральных сил, ни духу не хватало. Практически никаких действий для того, чтобы прийти и сказать: «Ну, здравствуйте, это я!», мною предприняты не были, моя интеграция в литературное движение растянулась на долгие годы.

Тем не менее, когда в 1996 году в Горловке к 5-летию независимости Украины объявили литературный конкурс, я отправил свои работы. Правда, под глупым псевдонимом «Аль-Хазред» (кто читал произведения Говарда Лавкрафта, может понять корни этого «ника», и догадаться о тематике моих «шедевров»). Этот конкурс мне показал, насколько я жидковат в плане публичности. Когда подводились итоги конкурса во Дворец детско-юношеского творчества я поехал со своей сестрой Аней, и мы заняли места на галёрке, под балконом в тени. Мероприятие шло своим чередом, а меня охватил мандраж и второй раз в жизни – приступ пейрафобии, панической боязни сцены (первый приступ был мною пережит в 80-х, когда я учился ещё в 7 классе). И когда на сцену вышли Пётр Навроцкий и Николай Новиков и начали объявлять победителей литературного конкурса, у меня тряслись колени, я мысленно молился: «Господи, пусть это буду не я!». Но вот победители в поэтических номинациях объявлены, моё имя (псевдоним) не прозвучало, и я вздохнул с облегчением. К тому же авторы, выходявшие на сцену за призами и дипломами, стихи не читали (а вот этого я и боялся больше всего). И когда начали объявлять победителей в номинации «проза», я уже пришёл в себя и даже запомнил молодого парня с длинным чёрным хвостом, который занял первое место с рассказом «Пилот». Хотя имя мы не расслышали, а потому с Аней между собой назвали его «неформалом» именно за эти длинные, как у металлиста, волосы. Спустя несколько лет я столкнулся с этим неформалом, который к тому времени уже был ведущим журналистом «Вечерней Горловки», это был Олег Пилипченко. Но тогда-то, после завершения награждения, я понял, что выход на сцену для меня – страшнее выброса метана в шахте.

Спустя год я познакомился со своею будущей женой Леной, и однажды мы с ней и Аней, гуляя по осеннему городу, мимоходом попали на концерт в Культурно-спортивном коммерческом центре «Стирол» (КСКЦ), где в малом зале проходило мероприятие в честь первой годовщины существования клуба авторской песни «Нейтральная полоса». Руководителем клуба был молодой мужчина Олег Князский – не просто автор-исполнитель, а идеолог и подвижник авторской песни. И вот там-то я уже по-настоящему столкнулся с городскими поэтами. Поздравить клуб пришли участники молодёжной студии «Пилигрим». Это были Андрей Икрин, Виктория Полякова и Ирина Груздева. Икрин, опрятно одетый молодой человек, но со слегка заметной вихрастой анархией на голове, читал свои стихи, как взаправдашний поэт, выплёткивая текст в зал резкими фразами с лёгким грассированием. Сперва прочитав цикл серьёзных стихов, Андрей Икрин начал читать неоднозначные тексты. После его стихотворения «Негр

с козой», которое автор читал с нарочито-серьёзным видом, мы начали ржать, а потом была «Муха», трагическое в принципе произведение, но нас было уже не остановить, мы втроём давились от смеха. Потом стихи читала Виктория Полякова – тоненькая девушка со светлой причёской а-ля бобрик, тихая и спокойная. Стихи её были совсем другого уровня, очень хорошие и по-настоящему лиричные, но она смотрелась на фоне Икрина бледненько. Теперь-то я понимаю, что зная свой напор и драйв, Андрей Икрин обязан был первым предоставить слово девушкам, и тогда градация по нарастающей прошла бы зрелищней. После Виктории заметнее выступила Ирина Груздева, я помню, её светло-каштановые волосы были заколоты в короткий хвостик, она была вся какая-то светлая и лучистая, читала довольно громко и ясно, особенно запомнился её «Дверной звонок». А когда Ирина сбилась на очередном стихотворении, и так и не смогла продолжить, и в результате она прочитала что-то другое, меня снова охватил приступ пейрафобии, хотя на сцене был не я...

А спустя полгода, когда мы с Леной уже поженились, я уговорил моего приятеля Рому Гвоздкова представить меня горловской журналистке из «Вечерней Горловки», поэту Ирине Шевченко, которая, как позже оказалось, была его тёткой. Это был зимний вечер, когда снег лежал повсюду, и уже зажигались фонари. Мы пришли, когда редакция была уже опустевшей. Ирина Леонидовна встретила нас и благосклонно приняла из моих рук пяток стихотворений, отпечатанных на пишущей машинке. Первый вопрос, который мне задала Шевченко после ознакомления с моими опусами, был такой:

– Какое у вас образование?

– Неоконченное среднее, ой, вернее неполное.

– В том-то и дело, – сказала Ирина Леонидовна, – что неоконченное, это чувствуется по вашим стихам, по оборотам речи. Литератор должен быть образованным. Вы не думали о том, чтобы продолжить образование?

Далее, разложив мои стихи на столе, она стала указывать мне текстологические погрешности, сбои и нарушения правил речи. Оказывается, считая себя «поэтом», я не знал даже самых простых правил стихосложения, поэтических «азбучных» истин. И она начала рисовать передо мною ритмический рисунок на примере стихов Лермонтова, а потом продемонстрировала схему моих «стихов», ударный-безударный, ямб-хорей. Но потом вдруг, улыбнувшись, сказала:

– Тем не менее, поэзия здесь есть. Работайте. Если хотите, можете попробовать себя и в публицистике, напишите о том, что вас волнует, и приносите мне.

А потом Шевченко добавила, мол, есть у нас в городе такая молодёжная студия «Пилигрим», к ним бы вам походить, повариться с ними в одном котле...

Домой я вернулся в таком унылом виде, что моя молодая супруга испугалась. Наверное, на мне, действительно, была такая грустная физиономия, которую сейчас бы назвали «печалька». Я передал всё, что мне рассказала Ирина Леонидовна. Лена меня успокоила, мол, ритм и размер я тебя научу просчитывать, всё объясню, мы это учили, и, просмотрев за пару дней мои стихи, она обнаружила, что большая часть моих работ была написана именно с природным чувством ритма и размера. А по поводу образования мой тесть сказал: «Тебе нужно возвращаться в вечернюю школу».

Разбитый и низложенный, я не всё сделал, как сказала Ирина Леонидовна. Я не пошёл к «пилигримам», я пошёл в юношескую библиотеку и записался в читальный зал, где помимо городских литературных изданий, я постоянно брал литературоведческий словарь, читал статьи, упорно конспектировал их и учился сам просчитывать ритм. А мой тесть пошёл в вечернюю школу, которая на тот момент осталась одна на весь город, как раз рядом с Машиностроительным заводом, где он работал, и там, в архиве, где хранились документы всех закрытых

сменных школ, нашли моё личное дело. Меня восстановили, и с первого сентября я пошёл в 12-й класс, и само собой, главный упор в учёбе я делал на русскую и украинскую литературу.

И только через полгода после моего похода к Шевченко, наконец-то, прорезались новые стихи, написанные мной по правилам стихосложения и просчитанные уже самостоятельно, к тому же некоторые свои старые стихи я привёл в ритмическую норму. И вновь появилось желание пойти в литературное объединение и принять крещение огнём и мечом уст наших литераторов. Но в это время Лена была беременна, свободного времени было мало – мы готовились стать родителями...

Весной 1999 года я, гуляя уже со своей трёхмесячной дочкой Настенькой, подошёл к киоску «Союзпечать» и спросил газету «Время». На первой полосе, сразу под заголовком было моё стихотворение «Опять Балканы». После нашего венчания и рождения Настеньки – это был третий по значимости день в моей судьбе. Моя первая публикация! Апрельский день стал для меня ещё более солнечным, более весенним. За меня рады были все: и жена, и мои родители, и особенно мой тесть, ведь именно он отнёс моё стихотворение в редакцию, которая была от нас через дом (ещё ближе, чем «Вечёрка»). Боль югославской трагедии была моей болью. Мне было стыдно за славянские народы, которые трусливо промолчали в тряпочку, когда НАТОвские ястребы стирали с лица многострадальной земли сербские города и монастыри. Стихотворение заканчивалось строками: «А мы – славяне равнодушно глядим, как братьев льётся кровь». Итак, это был первый шаг.

Через три месяца произошло ещё одно удивительное событие. В то время я работал на енакиевской шахте им. Карла Маркса, и рабочий автобус вёз нас домой не через Центр, а по кругу в обратном направлении – через Северную проходную, Пятый квартал, Бессарабку и Комсомолец, и эта дорога была настолько изматывающей, что я предпочитал ездить вместе с рабочими из Пантелеймоновки. Я вставал на остановке «Рембыттехника» и шёл пару километров домой пешком, по тенистой нечётной стороне проспекта Победы. И пусть я добирался всего на десять минут раньше, чем горловским автобусом, но зато чувствовал себя бодрее: в ЛАЗ-КамаЗе меня часто то укачивало, то раструживало, и я себя чувствовал, то разбитым, то размочаленным, как отсыревшая вафля.

И вот 16 июля 1999 года, идя через площадь Победы, в тени каштанов возле магазина «Горловчанка» я увидел женщину лет за пятьдесят с короткой седоватой стрижкой, она стояла в светлых одеждах со стопочкой беленьких книжек в руках, а на её груди красовался приколотый булавкой плакатик: «Книгу продаёт автор». Я подошёл поближе, прочитал имя на обложке «Тамара Гончарова» и задал идиотский вопрос: «Так это вы?», а она ответила: «Да, это я». Конечно же, фамилия Гончаровых в Горловке была на слуху. Как человек, интересующийся литературой родного края, я не мог не знать этого имени. Я поинтересовался ценой. Денег с собой не было, а до дома оставалось всего 200 метров. Я сходил домой, взял деньги и вернулся. Тамара Ивановна подписала мне книжку, мы с ней разговорились о книгоиздании, она мне показала свежую публикацию в журнале «Донбасс», и новый альманах «Восхождение», такого номера в библиотеке ещё не было. Беседа получилась настолько увлекательной, что когда к нам подошла подруга Тамары Ивановны – поэт Антонина Никифорова (это имя я узнал позднее), Гончарова не смогла оторваться от разговора со мной, и Антонина Петровна, обидевшись, ушла. А я напоследок успел вставить, что и сам пишу, и это, как мне показалось, заинтересовало Тамару Ивановну, на том и разошлись. После этой встречи я пришёл домой и книжку прочитал за пару часов. На следующий день я её начал перечитывать более вдумчиво. Поэзия Гончаровой меня очень вдохновила, на какой-то период книжка Тамары Ивановны стала моей настольной, наряду с томиком стихов Николая Заболоцкого, которым я в то время очень увлекался. Поэтому, когда мы вновь встретились через неделю под густым каштаном на Площади, я ей выразил своё восхищение, мы вновь разговорились, и я пожаловался, как

мало литературы в библиотеке, и она мне предложила воспользоваться её личной библиотекой. И вот в назначенный день я пришёл к Тамаре Ивановне в её квартирку на ул. Нестерова. На стенах были фотографии и рисунки, большой масляный холст с портретом Владимира Высоцкого, а на полках книги и тетради. Она мне дала несколько коллективных сборников горловских авторов и свою первую книжку, которая у неё осталась в единственном экземпляре, а также она мне подарила книжку «Шуточки» своего супруга Егора Гончарова. Сборники я прочитал довольно быстро, а её первую книжку отсканировал и сделал себе дубликат. Некоторые стихотворения из этого сборника «Снега нежные слова» я до сих пор помню наизусть и часто их цитирую в беседах.

Общаясь с Тамарой Ивановной, я с удивлением узнал, что в городе два литобъединения: «Забой» и «Кочегарка» им. Павла Беспощадного, это два осколка единой когда-то организации. «Забой», как поведала она, более демократичная организация, где всё решает коллектив. В ЛитО «Кочегарка» всё работало на имя одного человека. Мой первый вопрос был: «А Икрин, Полякова и Груздева, в каком?». Оказалось-таки – в «Забое» (а «Пилигримы» – это было дочернее молодёжное отделение). Тамара Гончарова пыталась меня привести в литобъединение как можно скорее, но я, как обычно, долго готовился морально. К тому же, в период предвыборной президентской гонки я подрядился после работы разносить социалистическую газету по домам. И только когда закончилась предвыборная кампания, я созрел.

Вернее, мы созрели.

Дело в том, что мой тесть Александр Викторович, весьма впечатлительная натура, и при этом увлекающаяся всем новым. Начитавшись моих произведений, он загорелся и решил, что способен и сам поупражняться в стихосложении. Он около года писал поэму о гибели Александра Меня и надеялся её кому-нибудь продемонстрировать. Сюжет у поэмы был, но в строках не было ни грамма поэзии – это была публицистика в столбик. А кто я был тогда такой, чтобы сказать, что это всё неудобоваримо и никуда не годится?

И вот 4 декабря мы пришли в здание бывшего ШСУ на ул. М. Тореза в литературный «Забой». В зале уже сидело множество людей, и тут я увидел Тамару Ивановну, рядом с ней было свободное место, и я пристроился у неё под крылышком. Тесть же сел на противоположной стороне, где было свободное место.

Руководитель ЛитО Пётр Навроцкий, мужчина старше средних лет с крупными чертами лица, с заметным центральноукраинским акцентом (с особым произношением мягких шипящих) поинтересовался кто мы, с чем пожаловали. Тесть решил, что в этот день читать буду я, а он понаблюдает за процессом. Меня записали в очередь. В этот день на суд принесли свои произведения три автора: Наталья Бугир, которую я уже встречал на городских мероприятиях (на тот момент она была ответственным секретарём «Забоя»), я и ещё один парень моего возраста, имя которого я не запомнил. Первая читала Наталья, отзывы были хорошие, но было несколько замечаний, которые Наталья приняла с благодарностью, а потом слово дали мне. Я прочитал свои стихи, обсуждение прошло бурно, но в принципе, мнение было такое, что в этом что-то есть, но нужно с текстами поработать, что-то поменять, при этом Антонина Никифорова мне сразу же сходу предложила изменить расстановку слов в строке, чтобы избежать двусмысленного сдвига. Тамара Ивановна тоже посоветовала подумать над некоторыми нюансами. Но вот мой кумир, мой литературный идол Андрей Икрин вынес свой презрительный вердикт: «Стихи „так себе“, под Фета или Тютчева». А Пётр Навроцкий сказал: «Стихи неплохие, но тебе нужно ходить на занятия, смотреть, слушать, делать выводы». Третьего парня разделили под орех. Я не помню, чтобы в тексте было что-то такое страшно-безграмотное, я бы не сказал, что он был намного слабее меня, но приговор был не самый обнадеживающий. Даже Виктор Самойленко – прозаик, поднялся и сказал, мол, из троих сегодня читавших, вам нужно больше всего работать над словом. Больше я этого парня не видел.

В следующую субботу мы с Александром Викторовичем вновь пришли в «Забой». В этот раз я опять принёс пять стихотворений, среди них два были написанные давно, ещё в «дошевченковский» период, в том числе и «Слишком поздно», и три стихотворения посвежее. Когда я окончил читать, заместитель председателя по поэзии (зампопо) Александр Савенков, просмотрев мои тексты, вдруг сказал:

– Друзья, поздравляю, нашего полку прибыло!

И Андрей Икрин вдруг подпрыгнул на месте, перечитав мои произведения с листка, его мои строки в этот раз зацепили. А Пётр Алексеевич Навроцкий все эти стихи забрал к себе в ветхую, но такую желанную папку для публикаций...

Ещё впереди был первый крах в виде ушата ядрёной критики (увидев такое моё «унижение», мой тесть больше ни разу не переступил порог ЛитО), ещё впереди были полтора года страха молчания и отсутствия публикаций, а также первое разочарование в литературном братстве. Но именно тогда, 11 декабря 1999 года, я почувствовал, что у меня появилась ещё одна семья по имени «Забой».

ТАЛАНТ – 2002 (21.03.2002)

Однажды, в конце 2001 года, мне в руки попала предвыборная политическая газета ДемСоюза Украины, которую раздавали на площади Победы молодые люди. Я бы отошёл в сторонку и выкинул её в урну, чтоб не нести мусор домой, но на глаза попала заметка «Молодёжный поэтический конкурс – „Талант – 2002“». Я был свободен в этот момент, и с этой газетой пошёл во Дворец Детско-юношеского творчества к Наталье Бугир.

Я – начинающий автор, который всего 2 года назад впервые переступил порог городского литобъединения «Забой», весьма заурядный, и не вполне удачливый. Мой приход в ЛитО и первые порции отборной критики вызвали в моей душе затяжной творческий сплин. К тому же, 2000 год для литобъединения был вообще провальным в плане публикаций, и жертвой этого провала был и я. Коллективная подборка вышла за весь год всего одна (да и то, я в неё не попал), альманах «Восхождение», который вышел из типографии в феврале, был сформирован в ноябре месяце 1999 г. и я на него опоздал буквально на неделю. Поэтому неудивительно, увидев в условиях конкурса, что планируется выход коллективного сборника, я загорелся мыслью – поучаствовать. Ради лишней публикации я был готов на многое. Но так как я в душе – не одиночник, решил, что участие должно быть массовым, а потому и пошёл, не раздумывая, во Дворец ДЮТ.

Почему именно к Наталье Бугир? Потому что Наталья Сергеевна уже не первый год окормливала молодых литераторов при ДДЮТ, она была им не только наставником, но и другом. Поэтому, несмотря на разницу в возрасте, она без обиняков попросила и меня обращаться к ней на Ты, всегда привечала в своём кабинете и, что, наверное, самое важное – давала почитать книги с её поэтической полки, которая была у неё в аудитории во Дворце. Она быстро запанибратски вошла в мой круг общения, наряду с Александром Савенковым, Тамарой Гончаровой и Андреем Икриным. Поэтическая молодёжная студия «Лира» на тот момент гремела на всю область, поэтому, нисколько не сомневаясь, я пошёл именно к Н. Бугир с предложением отправить работы «лировских» ребят на конкурс, чтобы не упустить такую возможность. И Наталья Сергеевна не подвела.

Март 2002 года. Я, выкроив минуту в свой выходной день, иду в офис партии ДемПУ (которая входит в блок ДемСоюз), который располагается по ул. Академика Павлова. На улице умеренная весенняя погода, ещё не солнечно, ещё за углами прячется скукожившийся снег, но воздух по-настоящему весенний, я иду в хорошем настроении, и прилетевшие скворцы,

расправляя свои крылья и топорща оперение, солидарны со мною. Я нахожу нужное мне здание морковно-горчичного цвета, поднимаюсь в офис на второй этаж и пытаюсь узнать судьбу наших конкурсных работ. Меня встречают, как родного. Дело в том, что именно сегодня привезли часть тиража сборника «Талант-2002», изданного в донецком издательстве «Лебедь», мне показывают пахнущую свежей офсетной печатью книжку, выдают список соавторов, и я нахожу рядом со своей фамилией ещё несколько знакомых имён горловских авторов. Во-первых, там значатся Максим Ангелин, Людмила Оксень, Светлана Петрикова, Алла Малахова и Наталья Дьячок, это все те, с кем я знаком лично, а во-вторых, ещё с десятков имён горловчан, знакомых по публикациям в четвёртом выпуске альманаха «Восхождение» и в городской прессе. Единственное, что мне не нравится в этой книжке, это то, что тексты выстроены не по левому краю, а по центру, ёлочкой, что делает сборник каким-то фривольным, что ли...

И вот женщина, руководитель пресс-службы, просит проконсультировать, где в ближайшие дни можно провести презентацию этого сборника. И я, конечно же, предлагаю Дворец детско-юношеского творчества, где в клубе-музее украинской культуры «Светлица» никогда не откажут. И сотрудники аппарата при мне звонят во Дворец, вызывают к телефону Людмилу Ильиничну Светлицу и договариваются с ней на 21 марта. С Людмилой Ильиничной Светлицей я познакомился три месяца назад, когда в угловом зале Дворца (аудитория 333) проходила презентация пятого номера альманаха «Восхождение». Познакомились весьма своеобразно. Она, согласно сценарию, пригласила меня на сцену, а я, приехавший на мероприятие с работы с чёрными от угля глазами и не в самом нарядном свитере, от неожиданного приглашения отказался выходить читать стихи (непонятно, а чего я ожидал от презентации?). Но, именно после этого демарша Людмила Ильинична меня запомнила.

И вот работники пресс-центра мне дают «партийное» задание оповестить и собрать соавторов сборника для презентации.

В те некоммуникабельные времена, к кому я пошёл в первую очередь? Конечно же, к Наталье Бугир, ведь это её птенцы сделали погоду в этой книжке, а самое главное – победителем стал Максим Ангелин – 1 место (знай наших!). Но вдруг выясняется, что Наталья Сергеевна уволилась из дворца, по словам наших соратников, из-за нового эксцентричного мужа, который не только заставил её уволиться, но и запретил ей общаться с литературной братией, которая атаковала её своими проблемами и просьбами целыми сутками напролёт. И поэтому я по старой привычке иду к Наталье Сергеевне домой. Дверь открывает она, но за её плечом сразу возникает поджарый мужичонка, свирепо смотрящий на мою перепуганную физиономию. Я пытаюсь объяснить причину моего появления, но Наталья на повышенных тонах заявляет: «Всё, я этим больше не занимаюсь!» И под мой недоумевающий вопрос: «А как же Ангелин, как же Оксень?», передо мною захлопывают дверь. И я ухожу под холодный мартовский дождь, не понимая, что теперь делать...

21 марта (очень символический день, хотя о Всемирном Дне Поэзии мы к тому времени ещё не знали) я иду в ДДЮТ, ожидая провала. Но, чу! В клубе-музее уже пасутся несколько молодых ребят и девчат (то ли Наталья Сергеевна всё-таки нашла способ оповестить их, то ли этим занималась Людмила Ильинична – не знаю). Также в зале сидят зубры литературной Горловки – руководитель ЛитО «Забой» Михаил Цалко и руководитель ЛитО «Кочегарка» им. П. Беспощадного Николай Чайковский, а рядом «патриарх» литдвижения Егор Гончаров, и уже бывший «зампопо» (зампредседателя по поэзии) «Забоя» Александр Савенков, которого при Цалко на этом посту сменил Андрей Икрин.

Я, после вопиющего унижительного общения с Михаилом Леонидовичем Цалко, держусь от него на разумном расстоянии во всех смыслах этого слова.

Это особая история. Когда-то я по протекции Тamarы Гончаровой, ещё до моего прихода в ЛитО, несколько раз ходил к нему в редакцию газеты «Кочегарка» со стихами, и он, как редактор отдела, обещал даже что-то опубликовать. Поэтому, когда я пришёл в «Забой»,

у меня было уже два «своих» человека. На обсуждениях моих стихов Михаил Цалко давал дельные советы, и в принципе, был весьма лоялен и учтив. Пока однажды я не пришёл к нему вновь в редакцию с просьбой пристроить мои стихи в «Кочегарку». Его отповедь меня не просто подкосила, она меня поставила в тупик. Он в грубой форме посоветовал отставить свои занятия литературой и найти себе другое более подходящее дело. Мол, ХОТЕТЬ быть писателем и БЫТЬ писателем – это разные вещи. Я пришёл к старшему брату и соратнику, а ушёл, словно нашкодивший ученик от директора, после моральных резонёрских нотаций. Само собой, после такого «разгона» общаться с Цалко мне было невыносимо. Поэтому, когда после смерти Петра Навроцкого в «Забое» прошли выборы и безоговорочно победил Михаил Леонидович, я особой радости не испытал, вернее, я был шокирован, что победил не Николай Новиков, и даже из-за этого реже стал ходить в ЛитО.

С Николаем Васильевичем Чайковским, сидящим рядышком с Михаилом Леонидовичем, как с представителем конкурирующей группировки, я никогда до сей поры не общался, знаю только, что он долгое время просидел в творческом затворе и в литературные круги вернулся не так давно (наш городской «король поэтов» Евгений Легостаев, играя в демократию, в лучших традициях Ивана Грозного, посадил его княжить в ЛитО, но по существу, Чайковский был просто зиц-председателем). Егор Гончаров, супруг Тамары Ивановны, живущий отдельно от неё в жилмассиве «Восточный», мне внушает безосновательный страх (особенно его альтер-эго «критик Иван Речицын»), а так как Александр Савенков сидит плотно с ними вместе, я держу дистанцию.

Но вот в зал заходит моя «старая» знакомая Наталья Кузема (которая к этому времени уже успела сменить свою эксклюзивную фамилию на фамилию мужа Дьячок) со своим молодым супругом Мишей, и я, обрадовавшись знакомым лицам, подсаживаюсь к ним. С Наташей я познакомился случайно, сестра моей жены проживала с ней в институтском общежитии в одном блоке для преподавателей ИНЯЗА. Когда золовка мне сказала, мол, моя соседка пишет стихи и назвала мне фамилию, я очень обрадовался, ведь буквально за пару месяцев до этого Наталья Бугир давала мне ознакомиться с поэтическим сборником студентов иняза, и там я читал стихи Куземы, поэтому я напросился на знакомство. Так что с Натальей на этот момент мы, можно сказать, уже являемся давешними друзьями-соратниками.

Хочешь-не хочешь, но зал полупустым уже не назовёшь, и презентация вот-вот начнётся. Хотя, Максима Ангелина в зале нет (как позже выяснится, он был в этот день на таком же мероприятии в Донецке, где ему вручали призы). Мы сидим в зале клуба-музея, который с одной стороны оформлен в театральном стиле: украшенный плакатами и макетами сценических декораций Горловского театра «Юность», а с другой стороны этнографической экспозицией, здесь есть что посмотреть, чему поразиться.

Но вот начинается презентация. И Людмила Ильинична представляет эту книжку, с белосиней обложкой, оглашает некоторые цифры конкурса, например, сколько горловчан попали на страницы, сколько разделов, и возрастные категории, затем зачитывает некоторые понравившиеся строки. А потом небольшая капля дёгтя: в книге, говорит Людмила Ильинична, обнаружен вопиющий факт плагиата, одна из девочек, в стихотворении Якова Полонского «Затворница», заменив слово «девушка» на слово «мама», выдала его за своё. Конечно же, это камень в огород организаторов конкурса, которые не подумали о том, что жюри должно состоять из специалистов, но и издательство ООО «Лебедь», пуская в ход рукопись, могло бы ознакомиться с материалом. И следом слово переходит к соавторам. Выступают девочки из «Лиры», из которых ярко выделяется Люся Оксень, затем приглашается Евгений Маслюченко, молодой парень, который, как оказывается, работает на моей шахте им. К. А. Румянцева механиком АБК. Затем выходит Наталья Дьячок, а потом дебютирую, наконец-то, я. Людмила Ильинична, приглашая меня, предупреждает, мол, Иван Нечипорук обычно не желает выходить, но в такой уютной, и к тому же, не очень многолюдной аудитории, я не «выделяюсь», и,

несмотря на дрожь в коленях, читаю своё стихотворение, вошедшее в эту книгу, успев от страха ляпнуть языком, что шахта Румянцева богата на таланты, дескать, помимо Евгения и меня, у нас ещё Андрей Икрин работает.

Затем берут слово поочередно Савенков, Гончаров, Чайковский. Последним из мэтров выступает Цалко, который заостряет внимание на том, что большая часть горловских авторов из этого сборника являются также соавторами альманаха «Восхождение», увидевшего свет в декабре прошлого года, в котором целый раздел был отведён воспитанникам «Лиры». «А публикации в двух таких литературных проектах, – говорит Михаил Леонидович, – это уже неплохой творческий багаж». Затем слово предоставляется партийцам из ДемСоюза, которое вполне скромно одобрено агитацией, а после этого нам вручают благодарственные листы за подписью руководителя ДПУ Владимира Горбулина и раздают авторские экземпляры. Мероприятие заканчивается, я подхожу к стопке неразобранных книг и интересуюсь, можно ли взять ещё помимо авторского, и дамы благосклонно кивают, бери, мол. Хватаю ещё 4 экземпляра, а потом, предлагаю Наталье Дьячок подойти взять ещё пару книжек, но Наталья поручает это Мише, что он и делает. Я уже мысленно поделил свои сборники: родителям, своим преподавателям в вечернюю школу (с которыми я поддерживаю тёплые отношения) и т. п.

Я ухожу с Наташей и Мишей, успевая предложить новому знакомому Евгению Маслюченко, мол, приходи к нам в ЛитО, и мы покидаем дворец.

Увы, я не пояснил Евгению, какое именно ЛитО я имею в виду. И он, после моего ухода, подошёл к Михаилу Цалко спросить, куда нужно приходиться, а Михаил Леонидович, занятый разговором, не удосужился ответить, чем и воспользовался Николай Чайковский, назвав ему Дом учителя. Так наши пути с Евгением в этот вечер и разошлись. Будучи приличным человеком, он, придя первый раз к «беспощадновцам», так и остался у них, не захотев быть перебежчиком. И, к слову, Евгений Легостаев, по рассказу самого Маслюченко, лично поблагодарил Чайковского за то, что он привёл такого автора.

А данный проект «Талант-2002» – стал моим первым выходом за пределы городского литературного поля. Этот опыт показал, что развиваться можно и самостоятельно, не ожидая милости от руководства своего литературного клана.

ПРЕМИЯ ИМ. Н. РЫБАЛКО (14.02.2004)

Осенью 2003 года я в очередном выпуске газеты «Вечерняя Горловка» прочитал объявление о приёме работ на областной конкурс имени Николая Рыбалко. Были указаны условия, адрес и сроки приёма работ. Правда Андрей Икрин рекомендовал сильно не распространяться об этом конкурсе (не думая о том, что тираж газеты на тот момент был 20 000), я не стал его слушать, поделившись этой информацией с творческой молодёжью – Женей Янченко, Алей Герасимович и другими.

Я помню, что мне было лень отпечатывать работы на пишущей машинке, к которой я на тот момент охладел (так как у меня разболтались 2 литеры, и после каждого использования букв «П» и «С» мне приходилось вручную прижимать их, чтобы они становились на свои места), и я просто взял уже давно отпечатанные стихи, вырезал их, наклеил на листы А4 формата и сделал ксерокопии, чтобы всё выглядело однородно. Мимоходом, гуляя по городу с дочкой, я зашёл на почту и отправил конверт со стихами заказным письмом. А потом я об этом благополучно забыл на полгода.

Вечером 10 февраля 2004 года я возвращаюсь с работы, где провёл половину дня, оформляя свой первый отпуск на шахте им. А. Ф. Засядько, и мне с порога моя супруга Елена сооб-

щает: «Приходили сегодня из Партии регионов, просили передать тебе, что ты стал лауреатом премии имени Рыбалко». У меня, как у крыловской вороны – от радости в зобу дыханье спёрло. Оказывается, финансирует этот областной конкурс Партия Регионов, и оповещать лауреатов в мире, где мобильные телефоны ещё только входят в повседневную жизнь, приходится работникам «партаппарата». Лена говорит, что мне нужно подойти в отделение партии и найти Владимира Маяковского (какое совпадение) и он всё расскажет, что, где и когда.

От волнения еле дожив до утра, в первый день законного отпуска я прихожу в городское отделение Партии регионов, которое располагается на проспекте Ленина в помещении бывшей Ленинской библиотеки. Захожу в холл и интересуюсь у мужчины, сидящего за столом по центру, где бы мне найти Владимира Маяковского, и тут же из небольшого кабинетика со стеклянными перегородками появляется седоватый мужчина и приглашает к себе в этот закуток. Пресс-секретарь Горловского отделения ПР – Владимир Маяковский оказывается Николаевичем, и это не единственное отличие от великого трибуна. Наш горловский Маяковский оказывается маленьким и щупленьким человечком около 50 лет. Словоохотливый и торопливый, он за 15 минут выплёскивает на меня такой ушат информации, что мне тяжело всё сразу переварить, большая часть информации совершенно ненужная. Но, как оказывается, среди лауреатов сразу трое горловчан. И помимо меня, победителями стали Елена Мищенко и Евгений Легостаев (так что политика Икрина в плане конфиденциальности потерпела крах, и массовое участие горловчан стало тому подтверждением). Награждение пройдёт в торжественной обстановке в Донецком отделении Национального союза писателей Украины, по адресу: бульвар Пушкина – 30а. Начало 14 февраля в 12.00.

Так как я уже в отпуске, то я вполне благополучно собираюсь на мероприятие, не беспокоясь о переносах выходных. Я предлагаю своим близким составить мне компанию, но у жены не получается, зато со мной решается поехать моя сестра Аня в качестве группы поддержки, и мы договариваемся, что она приезжает утром и мы едем в Донецк на автобусе.

Днём 13 февраля начинается безумный снегопад, город утопает в снегу, но под вечер температура поднимается до +2 градусов, и я думаю, слава Богу, дорога к утру оттаёт. Но не тут-то было. Утром приезжает Аня, мы выходим на улицу и идём по ул. Кирова по глубокой полужидкой снежной каше. Город завален влажным снегом, но ни дворников, ни техники на улицах нет. Снегоборьбой даже не пахнет. На автовокзале собралась приличная толпа людей и ни одного автобуса. Оказывается, на трассе заторы, пробки и автобусы все где-то застряли. Но всё-таки минут через 20 появляется жёлтая «ГАЗелька», высаживает пассажиров в стороне, но многие из жаждущих уехать бросаются к месту высадки, не дожидаясь, пока автобус подъедет на платформу, среди жаждущих – я один из первых. С перепугу я занимаю три сиденья, и одно место мы уступаем мужчине с ребёнком на руках, у которого шансов занять место в такой ситуации не было. Мы с Аней облегчённо вздыхаем. Когда мы трогаемся, из-за угла появляется ещё одна «ГАЗелька», значит, транспорт прорывается потихоньку.

Я еду, любясь заснеженным пейзажем за окном, но недолго – под Пантелеймоновкой мы попадаем в пробку: за Беевой могилой застряли фуры и ни туда, ни сюда. Машины по снежной каше едут очень медленно, объезжая виновников затора. Через полчаса мы делаем рывок и проезжаем это место, но через несколько километров за Красным Партизаном большой затяжной подъём и ещё больший затор. Я уже не нахожу себе места, и молюсь, и ругаюсь мысленно, я весь на нервах, но тем не менее в 11:20 мы въезжаем в Донецк, я внутренне радуюсь такому положению дел, но слишком рано. В городе движение затруднено всё той же злополучной снежной кашей под колёсами, и мы едем, пробуксовывая, невыносимо медленно, я в отчаянии. Когда мы подъезжаем к Крытому рынку – время 12 часов. Но я, плохо ориентируясь в центре Донецка, увожу нас не в ту сторону, и, сделав крюк по Театральному проспекту, мы выходим к Театру оперы и балета, а там бульвар Пушкина, и наконец-то – Союз писателей. Мы заходим в прихожую НСПУ, из правого крыла к нам тут же выходит симпатичная девушка

с выразительными тёмными глазами, с короткой стрижкой, она представляется Екатериной Щуровой, тележурналистом телеканала К61, и спрашивает наши имена, я называюсь, и она меня успокаивает:

– Отдышитесь, пока идёт вступительная часть, у вас есть время прийти в себя.

Мы с Аней раздеваемся, и аккуратно, на цыпочках заходим в актёрский зал и занимаем места рядом с Еленой Мищенко, которая, не пойми как, успела на награждение с королевской точностью, она тоже с «группой поддержки» в виде мужа. В зале я также вижу Владимира Маяковского, который сидит с группой партийных работников.

В президиуме сидят, как выясняется, руководитель Донецкой писательской организации Станислав Жуковский, ответственный секретарь организации Иван Билый, редактор журнала «Донбасс» Виктор Логачёв и другие литераторы. Сегодняшнее мероприятие проходит в день рождения поэта, сегодня ему исполнилось бы 82 года. На сцене выступают люди, знавшие Николая Рыбалко. Первый, кого мы выслушиваем – Геннадий Щуров, как я догадываюсь, папа Екатерины. Он рассказывает о рабочих взаимоотношениях с Николаем Рыбалко, в которых он выступал как редактор, а Николай Александрович – как автор, что звучит сухо и казённо, что ли. Значительно человечнее звучат воспоминания Владимира Пеунова. Но гораздо больше мне нравится выступление хрупкой маленькой женщины Елены Лаврентьевой, которая очень тепло рассказывает о знакомстве с поэтом, который, несмотря на то, что был слепой, не был беспомощным, он был крепким самостоятельным волевым человеком, хорошим собеседником, хорошим поэтом.

И вот начинается награждение лауреатов. Станислав Витальевич Жуковский, на правах хозяина этого зала, озвучивает цифры конкурса, количество представленных работ, и т. д. Первыми награждают самых юных авторов. В зале из трёх лауреатов присутствует только двое: дончанка Лада Сухолуцкая и Лёша Корниенко из Дзержинска. Затем лирическое отступление в виде небольшого документального фильма о Николае Рыбалко, после чего переходят к средней группе и объявляют:

– 1 место – Иван Нечипорук, Горловка.

И я в ударе! Ведь дело в том, что нам не сообщили, у кого какое место, и я просто не мог надеяться на то, что я буду лидером номинации. Даже мой старший товарищ и наставник Андрей Икрин, когда я с ним поделился своей радостью, сказал, мол, это совершенная случайность, что ты попал в лауреаты, и я, в принципе, страдая заниженной самооценкой, согласился с ним. И тут – на тебе, первое место!

Я выхожу, мне вручают диплом, красную гвоздичку и заветный конвертик с эмблемой ПР, и предоставляют слово. Я благодарю учредителей конкурса, жюри и читаю наизусть стихотворение «Набраться смелости».

*Набраться смелости и сделать первый шаг,
Навстречу неосознанным желаньям.
И пусть растает где-то в подсознанье
От глупостей удерживавший страх.*

*Переступить себя и выйти из себя,
Перешагнув черту переродиться,
И над землёй, безумный мир любя,
Взлететь прекрасной белоснежной птицей.*

У меня трясутся колени, я перепутал слова в предпоследней строчке, но когда я сажусь на своё место, Елена Мищенко шепчет мне:

– Молодец, хорошо держался!

А я свою гвоздику сразу дарю Ане, заслужила, а ну-ка такую дорогу из-за брата перенести. Потом объявляют второе место – Алина Остафийчук, Краматорск, затем третье место – Вера Агаркова, Старобешево. А я, так и не успев прийти в себя после своего выхода, их выступления выслушиваю как в тумане. Но есть ещё поощрительный приз и на сцену приглашается девушка Анна Сыромятникова. Анна – инвалид детства первой группы (ДЦП), ей дают слово, но у неё небольшие проблемы с речью и, чтобы стихотворение прозвучало ритмичнее и лучше дошло до слушателей, просят кого-нибудь из родственников прочитать одно из стихотворений, но в результате с листка стихи зачитывает Логачёв Виктор Степанович.

В это время я слышу, как в «предбаннике» раздаётся хлопок двери, и я почему-то вдруг думаю: «Легостаев!»

Точно, в дверях актового зала появляется один из «мэтров» горловской поэзии Евгений Иванович Легостаев. Он кивает Елене Мищенко, и присаживается в кресло рядом с входом. Меня Легостаев не знает, хоть я уже более четырёх лет, как член ЛитО «Забой», контактов с конкурирующим литобъединением «Кочегарка» им. П. Беспощадного у нас практически нет. Разве что в прошлом году делегация «легостаевцев» приходили к нам в гости, но вряд ли Евгению Ивановичу было дело до меня. Хотелось бы заметить, на сегодняшний день Евгений Иванович является единственным столпом «беспощадновцев», ЛитО уже давно оставили все его звёзды, перестали ходить Виктор Полупан и Анна Попова, несколько человек ушли в мир иной, а несколько авторов мигрировали в «Забой». Ну, а так как свято место пусто не бывает – эту нишу начали занимать авторы сомнительного уровня, но зато хваткие, самоуверенные и целеустремлённые. Есть, правда, и Николай Чайковский... Но им ли всем тягаться с авторитетом Евгения Легостаева?

И вот объявляют старшую возрастную группу. Первое место у Тамары Дятликовой – член Краматорского литобъединения им. Н. Рыбалко становится победителем своей номинации. В своём выступлении Тамара несколько раз делает упорный акцент на том, что она ученица Николая Рыбалко, причём любимая, после чего читает свои стихи из авторской книги. Второе место у Евгения Легостаева. Он выходит, уверенный и раскрепощённый, без лишних слов принимает призы, читает по памяти небольшое стихотворение и садится на своё место, сходу заглядывая в конверт.

Третье место у Елены Мищенко, она читает по памяти стихи, сразу сбивается, и поэтому начинает сначала, и уже без запинки. У неё очень хорошая манера декламации, её стихотворение, по моему мнению, прозвучало задушевнее, чем у всех читавших до этого лауреатов.

Призы и подарки вручены, в завершении мы слушаем песню на стихи Рыбалко «Я жил в такие времена», и после этого Станислав Жуковский приглашает всех участников мероприятия на праздничный банкет. Мы переходим из актового зала в другое крыло, и я на ходу всё-таки осмеливаюсь заглянуть в конверт с премией. И вот мы заходим на половину Союза писателей, где в кабинете ответственного секретаря организации Ивана Билого накрыт банкет а-ля фуршет. На столах красуются пузатые бокалы с красным и белым вином, выстроенные рядами, разделёнными стаканами с соками, а по краям маленькие, размером с шахматные фигурки, чарочки с водкой, бутерброды, фруктовая и овощная нарезка, и чай с десертами.

Мы с Аней держимся возле Елены Мищенко, я чувствую себя словно не в своей тарелке, потому что все эти важные и вальяжные люди, которые между собой знакомы, внушают мне трепетное благоговение и панический страх.

Тут к нам подходит Иван Емельянович Билый и спрашивает меня:

– Казак?

– Нет, – отвечаю.

– Ну, тогда, давай выпьем.

И протягивает мне рюмку водки. Я уже около трёх лет не пью не то чтобы водку, даже вино. Но, не смея обижать литературного генерала, пью.

– Неплохие у тебя стихи, – откровенничает Иван Емельянович, – есть, правда, над чем поработать, подшлифовать, подправить, но молодец.

И Иван Белый отходит к другим лауреатам, и слава Богу, второй рюмки бы я не осилил.

Моя сестра тоже смущена таким банкетом и публикой, поэтому я не решаюсь оставить её и подойти к девочкам, которые в моей номинации заняли 2-е и 3-е места, а напрасно. Они уже познакомились и держатся вместе, а мы с Аней стоим возле Елены Николаевны и её мужа Юрия, пытаемся вслушиваться в их разговор с Легостаевым, и продолжаем быть немymi свидетелями этого праздника.

Банкет ещё в разгаре, но уже почти три часа дня, дорога плоха, а нам предстоит путь в Горловку. И Елена Мищенко говорит:

– Ну что, пора? Поедем?

И мы согласны. Собираем подарки, прощаемся с организаторами, выходим в «предбанник», подходит Екатерина Щурова, благодарит нас за то, что мы, не побоявшись погодных условий, приехали и желает нам удачной дороги домой. Мы выходим четвером, я, Аня, Елена Николаевна и её муж. Легостаев и Маяковский ещё остаются. Хотя Евгений Иванович не против того, чтобы идти с нами, но его кто-то задерживает, а потом они возвращаются к столу, и мы уходим без него.

Дорога настолько проста до автостанции «Крытый рынок», что я невольно обзываю себя мысленно идиотом, понимая, какой неоправданно-большой крюк мы с Аней дали. Приходим на автостанцию, людей не много, суббота, и те, кто хотел, уже уехали в Горловку раньше. Подходит «ГАЗелька», и мы преспокойно грузимся в неё и едем в родной город. По направлению в Горловку заторов нет, хотя на противоположной обочине фуры всё ещё стоят.

На автовокзале мы прощаемся с Мищенками, и я тут же, почти на ходу, на автостанции сажаю Аню на 25 маршрут автобуса. А сам, уставший и счастливый, тащусь домой по раскисшему снегу. Вечереет, город полупустой, фонари только начинают разгораться, а я свечусь от впечатлений похлеще этих фонарей. Я иду, радуясь такому насыщенному дню, и до конца не веря себе, прошупываю свой внутренний карман, в котором лежат первые деньги, «заработанные» стихами.

P.S. Уже во вторичном выпуске «Вечерней Горловки» появляется заметка Легостаева о премии им. Николая Рыбалко, где говорится о том, что Евгений Иванович занял второе место, а Елена Мищенко – третье. То есть, опоздав на мероприятие, Евгений Легостаев даже не потрудился уточнить информацию, так и не поняв, что у Горловки три призовых места. В четверговом номере этой же газеты – публицистический материал Владимира Маяковского с более полной информацией, где всё становится на свои места, хотя в статье всё-таки больше речь ведётся не о лауреатах, а о Партии регионов. Но и за это спасибо!

Но и это ещё не всё! Когда я просматриваю Донецкие новости по телевизору с репортажем Е. Щуровой о вручении премии, почти сразу после моего перепуганного лица, мелькает информация о ежемесячной литературной газете «Отражение». Эта, на первый взгляд, неброская новость стала ещё одним важным событием 2004 года, благодаря этой газете я узнал, что на Украине существует ещё и Межрегиональный союз писателей, но тогда это для меня всё было не столь существенным. До поры до времени.

ПЕРВЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ (февраль 2004)

У меня мысль выпустить авторский поэтический сборник появилась практически сразу, как только я начал писать стихи. Поначалу это проявлялось в изготовлении нескольких сборников, отпечатанных на пишущей машинке, которые существовали в единственном экземпляре. Потом, когда я учился в Вечерней сменной школе, по просьбе преподавателей изготовил свой сборник «Горят костры», набранный на компьютере и отпечатанный на ксероксе, и его тираж был уже более 10 экз. Но всё это было такой туземной самодеятельностью, что мне сейчас просто безумно стыдно за все эти «книги».

Потом было Литературное объединение, застой и отсутствие публикаций, и желание выпустить свою книжку. Но было два сдерживающих фактора: отсутствие финансов и Андрей Икрин. И второе – было более сдерживающим. Андрей сам готовил свою книгу несколько лет, но так и не дошёл до логического завершения, и меня постоянно одёргивал. Мол, не спеши, мол, надо посоветоваться с Егором Гончаровым, а что, мол, скажет по этому поводу Ирина Леонидовна Шевченко (они с Андреем были дружны ещё со времён непродолжительного существования литературного объединения «Рубикон»). Он жил и творил с оглядкой на других, и учил этому меня. Но или ученик из меня плохой, либо сильным было желание отогнать страх молчания, но в результате я, по словам Андрея, отбился от рук.

На стыке 2003 и 2004 года я заболел. Грипповал около 10 дней, и как только сбил температуру, я вдруг взялся за свои черновики, и в течение 2 дней/ночей скомпоновал сборник. Название я ему дал по одной из строк «На грани самовозгорания», в то время я ещё не придерживался мнения, что название должно быть лапидарным, ударным и кратким. Это были догмаурные времена, когда книги выпускали, как получится, особо не заботясь при этом о внешнем виде издания. Я сам, идя по стопам моей литературной крёстной Тамары Гончаровой, нарисовал рисунок на обложку в духе символизма, где на фоне всевидящего ока разлетаются в разные стороны ворон и кленовый лист, и, конечно же, поделился своими планами с Андреем Икриным. Андрей смирился с моим напором и желанием, но название отмёл безапелляционно. Уже после трёх бессонных ночей, я наконец-то нашёл новый вариант названия – «Сделать первый шаг», и, не обсудив этого с Икриным, довёл обложку до ума, поместив новое название ниже рисунка.

В это же время на моём предприятии мне подсказали, как раздобыть денег на издание. Мол, можно обменять свой талон на получение угля, который мне полагается, на энную сумму и порекомендовали, как это проверить. Само собой, я не преминул воспользоваться этой возможностью и получил начальный капитал. Вот тут-то и начались мои похождения.

Вначале я заказываю в ЧП «Бюрократ» набор текста, при этом предоставив свой рукописный макет, и прошу изготовить электронный макет брошюры, чтобы страницы были расположены в нужном мне порядке. А далее мне нужны выходные данные. Ещё три года назад Наталья Бугир объясняла мне, как нужно оформлять книгу, чтобы это не было самиздатом. Во-первых, можно пойти в издательство, и заказать вёрстку, дизайн и печать, но там услуги будут стоить немало. Но есть альтернатива – приобрести ISBN в издательстве, а печатать в какой-нибудь из мелких частных типографий в Горловке. Она дала мне приблизительные координаты донецкого издательства журнала «Донбасс», нарисовав мне «план-карту», где его найти. Мол, вот библиотека им. Н. Крупской, а за углом дом, первая дверь с правого угла – это то, что тебе нужно. И вот спустя годы, нахожу нужный мне блокнот с этой примитивной картой и еду в Донецк.

После вручения премии им. Николая Рыбалко, которое было чуть больше недели назад, я уже грамотный, тёртый калач, и уже знаю, как правильно идти к областной библиотеке. Я выхожу из маршрутки и вполне быстро добираюсь до этого здания в стиле сталинского ампира с зелёным куполом. В предвкушении скорого разрешения дела, обхожу массив библиотеки согласно нарисованному плану, подхожу к зданию, но никакого журнала «Донбасс»

тут и в помине нет. И всё! Я как запуганный потерянный щенок, начинаю метаться со стороны в сторону, дважды обхожу это здание, потом рядом располагающиеся хрущёвки, опрашиваю жильцов, но все удивлённо пожимают плечами и разводят руками. Снег под ногами, издаваясь, скрипит, я от резких своих выпадов то в одну, то в другую сторону пробуксовываю. О, меня легко вывести из равновесия! Пытаюсь взять себя в руки и понимаю, что вот рядом находится Донецкая писательская организация, надо идти туда, там они мне подскажут. И я выхожу на бульвар Пушкина, иду к нужному мне зданию, но тут мне что-то бьёт в голову и я, поддаваясь импульсу, спрашиваю у мужчины, идущего мне навстречу: «А не подскажете, где находится редакция журнала „Донбасс“?», «Да, конечно же, – отвечает мужчина – вот смотрите!», и он мне показывает рукой на здание напротив Художественного музея, мол, слева от арки широкая серая дверь, туда вам. Поблагодарив такого всезнающего прохожего, я иду в указанную мне дверь. Широкое, но полумрачное фойе, в фойе вахта, на вахте женщина. Я интересуюсь, где же редакция, она показывает на лестницу и называет третий этаж. Я поднимаюсь, но, как оказывается – никакого журнала здесь нет, а есть редакция газеты «Донецкие новости» и её «дочек». Одна из женщин, работник редакции, подводит меня к окну и говорит: «Вот смотрите – во дворе подъезд, пройдёте через арку, входите в массивную дверь и на третий этаж можете подняться лифтом». Я благодарю, иду во внутренний двор, вхожу в мрачный подъезд, поднимаюсь на третий этаж, и история повторяется – никакой редакции журнала здесь нет, а находится здесь редакция донецкого регионального выпуска газеты «Труд» и еженедельника «Труд-толстуха».

Всё, моё терпение заканчивается, и я иду в Союз писателей. Секретарь меня проводит к Станиславу Жуковскому, я представляюсь и жалуюсь, что не могу найти журнал «Донбасс». И Станислав Витальевич разясняет ситуацию. Всё предельно просто, оказывается, не за библиотекой им. Н. Крупской нужное мне здание, а за Театром оперы и балета, буквально через одно здание от того, вокруг которого я наматывал круги. И он мне рассказывает, куда выходят окна, где дверь, и где висит вывеска. Я благодарю, откланиваюсь и ухожу.

Я тороплюсь в редакцию, бегу через нарядный белоснежный бульвар, нахожу нужный дом и нужный подъезд, и вижу долгожданную строгую вывеску. Дверь заперта, на дверях звонок (слово домофон для меня ещё неведомо), нажимаю кнопку, а сразу после звонка раздаётся мужской голос: «Вы к кому?» Я отвечаю: «В редакцию журнала», раздаётся щелчок и дверь распаивается. Я захожу в полутёмный коридор и иду прямо на свет. За дверями типографское оборудование, тюки с бумагой. «А где редакция?» – спрашиваю я у какого-то мужчины, и он выводит меня назад в коридор и показывает две пухлые двери, оббитые дерматином. Глаза уже привыкают к полумраку, и я вижу на чёрной обивке маленькую табличку «Главный редактор журнала «Донбасс». Я стучусь, толкаю дверь, но она не поддается. Никого нет. Я подхожу ко второй двери, где красуется надпись «Бухгалтерия». Дверь отворяется, и я попадаю в тесную, но светлую комнату. За столом в окружении бумаг сидит женщина-главбух. Оказывается, редактор Виктор Логачёв пять-семь минут назад ушёл в Союз писателей. То есть мы с ним разминулись, может, я даже столкнулся с ним на улице, но в зимней одежде просто не узнал его. Бухгалтер, выслушав мои жалобы, набирает номер приёмной Жуковского и просит позвать Виктора Степановича, и, пояснив ему причину звонка, даёт трубку мне. Я рассказываю, кто я и откуда, и что мне нужно, и говорю заветный пароль: «Мне посоветовала к вам обратиться Наталья Бугир». Но Виктор Логачёв только пришёл в СП обсудить какие-то детали и бегать туда-сюда не собирается. «Подожди где-нибудь, – говорит он, – я через час вернусь».

Делать нечего и я, уже изрядно проголодавшийся, иду на поиски фаст-фуда, но, увы, улица Артёма на тот момент закрыта для всяких чебуречных и биг-мачных, кругом одни бутики или ювелирные, или парфюмерные и т. д. Но вот на площади Ленина нахожу супермаркет «Обжора», покупаю там печенье-сендвичи, и заказываю себе чай. Пока я бегал в поисках хлеба (печенья) насущного, время истекло. Я иду в редакцию и вот уже вхожу в этот приют

Муз – в просторный и светлый кабинет главного редактора. Виктор Степанович сидит за столом в шикарном кожаном кресле, в сером представительном костюме, импозантен и опрятно причёсан, он тепло со мной здоровается, и сразу вносит в журнал мои данные, принимает оплату услуг, и на принтере распечатывает мне ISBN и данные журнала, которые я должен разместить на второй странице своего макета. Виктор Логачёв делает акцент, что такая цена только для «забойцев», мол, дончан он так не балует. Итак, половина дела сделана. Утомлённый и слегка ошарашенный своими похождениями, еду в Горловку.

На следующий день иду опять в ЧП «Бюрократ» и прошу наборщика текстов Андрея внести на вторую страницу мои выходные данные. Получив новый макет на руки, я иду в присмотренную мною небольшую типографию «Документ-сервис» со своими макетами брошюры и обложки. Типография находится в цокольном этаже семиэтажки на площади Ленина, в маленьком кубрике в зале торгового центра находится точка фирмы, в которой оператор в основном занимается тиражированием, здесь принимаются заказы и делают ксерокопию. А основное рабочее оборудование находится в подсобном помещении. По моей просьбе ко мне вызывают менеджера, и она, выслушав мои пожелания, начинает подсчитывать мне стоимость печати, брошюровки, подрезки. Цена меня вполне устраивает, и даже с запасом, я оставляю макет и со спокойной душой иду домой и жду назначенной даты.

Три дня проходят, и я с утра иду в «Документ-сервис», подаю квитанцию об оплате, менеджер выходит и ошарашивает меня: «Не успели. Отпечатали, сшили, но не подрезали». Но, видя моё расстроенное лицо, говорит: «Приходите через три часа». Мне бы надо было сказать, подрежьте, мол, не торопясь, и отдайте пока хоть сотню экземпляров сегодня, остальные не к спеху... Но, увы, молодо-зелено, я молча ухожу, и возвращаюсь через три часа, мне вручают две большие коробки с моими книжками, и я несмотря на солидный вес, лечу домой, как на крыльях.

Распечатываю первый ящик, вот оно моё детище, маленькая книжица-блинчик, 40 страничек моих многолетних поэтических терзаний, жёлтенькие, как только что вылупившиеся цыплята. Я раскладываю книжки стопочками, и когда первый приступ эйфории отступает, я вдруг замечаю, что некоторые экземпляры брошюры неправильной формы, это не прямоугольники, а какие-то странные четырёхугольные косые фигуры, я начинаю сортировать книжки, и бракованных экземпляров набирается около 30 штук. Надо было не торопить работников и дать им спокойно подрезать тираж. Ну да ладно, завтра отнесу брак, попрошу подровнять. А пока беру десяток книжиц и вывожу их в свет, в смысле иду в гости к Тамаре Гончаровой, которой первой дарю свою книжку. Тамара Ивановна поздравляет меня, приглашает зайти, но я тороплюсь к председателю ЛитО Сергею Чернявскому. А вот третью книжку я несу в подарок Владимиру Маяковскому. Владимир Николаевич оперативно знакомится с моим «детищем» и через три дня в газете «Вечерняя Горловка» выходит его заметка под названием «Сделан первый шаг в литературу». И только тогда я до конца осознаю – свершилось!

Одним из результатов выпуска этой тоненькой и наивной книжки стал выход из трёхлетнего творческого сплина. Слава Богу, страх молчания отступил.

СЛАВЯНСК-2008 (28.05.2008)

Однажды апрельским днём на очередном заседании Горловского литобъединения «Забой» Николай Федосеевич Новиков обратился ко мне с предложением. Он сказал, что созванивался с руководством Донецкой писательской организации Национального союза писателей Украины, и они попросили работы молодых авторов по 10 стихотворений от «поэтов», якобы на Киев, а Новиков выбрал в «молодые» меня и Катю Ромащук (мне 32, а Кате 23 года).

На тот момент ЛитО растеряло все молодые кадры: вначале с уходом в «затвор» Натальи Бугир разбежались экс-лировцы; чуть позже, через пару-тройку лет, Людмила Оксень – наша талантливая звёздная девочка, совершенно безосновательно обидевшись на редколлегию альманаха «Восхождение», ушла в оппозицию и попыталась при Горловском инязе организовать свою студию «Сверхгоризонты», вместе с ней ушли и другие авторы, тот же Антон Куликов; Елена Рощенко перестала ходить, когда родила ребёнка, и вместе с ней ушёл в творческий отпуск её муж Владимир Бажанов и т. д. Так что на тот момент из имеющихся штыков – мы с Екатериной, пожалуй, единственные кандидатуры. Николай Федосеевич попросил не затягивать и отправить работы как можно скорее.

На следующий день, посоветовавшись с Катей, мы договорились, что наши подборки отвезёт в Донецк её муж Максим, и до конца следующей недели наши работы были уже в Донецке. Я подумал, что наверняка готовят сборник молодых авторов, поэтому принял это ровно и без особого внимания, не лелея напрасных надежд, не раз уже разбитых (тогда с публикациями было весьма туго).

Однако дело было не в сборнике, и спустя месяц раздался звонок – на мой городской телефон позвонил Станислав Витальевич Жуковский из Донецкой организации Национального союза писателей, он сказал, что 28—29 мая в городе Славянске будет проводиться Семинар (Съезд) молодых писателей Донбасса под эгидой НСПУ, дорогу, проживание и питание обеспечивает Союз писателей. От Горловки приглашаются на съезд: Иван Нечипорук, Екатерина Ромащук и Валерия Матюша, и попросил связаться с ними. Я попытался отпираться, мол, я не знаю, кто такая Матюша, но, Станислав Витальевич дал заключение:

– Тебе в Горловке её найти проще.

Действительно, что там той Горловки – каких-то несчастных 320 тысяч населения!

Потом Станислав Витальевич попросил, чтобы я записал данные, место и время проведения семинара, а также, чтобы я поделился этой информацией со своими землячками. До съезда – всего одна неделя, у меня на шахте А. И. Гаевого выходные нужно заказывать за месяц и, учитывая, что я побоюсь лишний раз тревожить начальника (я не так давно работаю на этом участке), для себя решил, что НЕ СУДЬБА! Но, выполняя поручение, позвонил сперва Екатерине, сообщил ей все данные, и она пообещала подумать.

И вот, взяв в руки телефонный справочник, я нашёл в книге три абонента с фамилией Матюша, и позвонил на первый номер, который был зарегистрирован почти в соседнем доме по моей улице Пушкинской. В трубке раздался женский голос, и у нас произошёл такой диалог:

– Добрый день!

– Здравствуйте!

– Прошу прощения, но я ищу по телефонному справочнику человека, вы не подскажете, не знаете ли вы такую Валерию Матюшу?

– Да, знаю, это моя невестка.

– А она пишет стихи?

– Да! – раздаётся радостный ответ.

– А как мне можно передать ей информацию от Союза писателей?

И мне продиктовали номер телефона. Всё оказалось невероятно просто, я сразу же дозвонился Валерии, представился и пересказал всю полученную информацию.

Но чем ближе была дата съезда, тем больше во мне закипало желание поехать на него. И так вышло, что из-за аварии на работе, мне с бригадой пришлось остаться в две смены, после чего мне предоставили отгул, и я его взял именно на 28 мая. Позвонила Катя Ромащук и сообщила, что на 2 дня вырваться у неё нет возможности, и её муж и мать дают добро на поездку на один день только в том случае, если она поедет не одна, то бишь только в компании со мной. И я её успокоил, что еду тоже на один день, потому что 2 выходных кряду – это перебор для нашего угольного предприятия. И мы договорились, где и когда встречаемся.

Утром 28 мая мы встречаемся с Катей Ромашук на автовокзале возле расписания. К нам подбегает черноволосая молодая девушка в белой кофточке, и спрашивает:

– Это вы Иван Нечипорук? Вы мне звонили, я Валерия Матюша.

Оказывается, она уже сидит в автобусе, который вот-вот отъедет, и, понимая, что мест в салоне уже нет, Валерия убегает, отправляясь самостоятельно, а мы идём и покупаем билеты на следующий рейс, который отправится через 30 минут. И когда приходит автобус, грузимся и едем по солнечной автотрассе. Всю дорогу беседуем о наших семьях и творческих нюансах. Дело в том, что Екатерина пришла в литобъединение в тот период, когда я работал в Донецке на шахте им. Засядько и часто посещать ЛитО у меня времени не было, поэтому с Катей мы знакомы, в принципе, давно, но поверхностно, и сейчас в дороге мы ликвидируем лакуны нашего знакомства. Катя автор молодой, но уже успевший выпустить первый сборник полгода назад. В прошлом сентябре она была ведущей на фестивале «Славянские колокола», именно в тот день привезли первую часть тиража её книжки, которую она мне тогда и презентовала. И вот дорога за разговорами о творческих путях и начинаниях, а также литературных предпочтениях пролетает незаметно. И мы пребываем в Славянск.

Я уже более 15 лет знаком с этим городом. Ещё в подростковом возрасте я часто сюда приезжал с матерью. И мне нравится облик славянских улочек. В 2000 году я сделал попытку поступить в Славянский педагогический институт, но на бюджет в тот раз не попал. Этот город у нас в Горловке называют Слáвянск (от слова Слава), в то время как сами горожане называют его Слaвя́нск (от слова славяне, которое, кстати, и является верным).

Улица Карла Маркса от автовокзала находится на расстоянии одной остановки троллейбуса, и мы идём до Химико-механического техникума пешком. Подойдя к зданию учебного заведения, мы осознаём, что приехали очень рано, до начала Семинара ещё более часа, и я предлагаю прогуляться по центральной части города и где-нибудь перекусить. Мы идём по тенистой улице Карла Маркса в сторону площади Ленина, чтобы отведать местного фаст-фуда. Не торопясь пообедав, мы отдыхаем на залитой солнцем площади, и, сидя на скамеечке, наблюдаем, как готовится разборная сцена и настраивается аппаратура к началу фестиваля пограничной песни «Кордон» (посещение этого фестиваля входит в список мероприятий в рамках Совещания, наряду с поездкой в Святогорскую Лавру, запланированной на завтра). А потом, попав под «грибной» дождик, по параллельной, густо заросшей каштанами и ложноплатановыми клёнами улице Ленина мы возвращаемся назад к техникуму.

А возле центрального входа уже заметно оживление, мы заходим в фойе, и дежурный объясняет, куда нам нужно идти. Поднимаемся на второй этаж в библиотеку, где в читальном зале нам показывают ряды столов, за которыми должны размещаться участники. В зале уже сидят молодые люди, есть и парни, но в большинстве своём – девушки. Мы занимаем места за столом, позади двух рослых девиц из Мариуполя, минут через 5 в зал заходит ещё стайка девушек, среди них и Валерия Матюша. Оказывается, она, приехав раньше нас, зашла сразу на регистрацию, и её отправили в общежитие на поселение, где она уже познакомилась с группой енакиевских девчат. Все рассаживаются по местам, и в зал заходят мэтры: Станислав Жуковский, Светлана Заготова, Виталий Забирко, Виктор Руденко, Виктор Логачёв, Елена Лаврентьева и Александр Яровой. «Мэтры» рассаживаются в президиуме, и Съезд объявляется открытым. И вот Станислав Витальевич приветствует участников семинара, он просит прослушать список приглашённых и откликнуться тех, кто присутствует. Он читает список, и я с ужасом понимаю, что почти все эти имена мне незнакомы. Из более чем 50 имён я, помимо нас троих услышал только два знакомых имени: Алина Остафийчук (Краматорск) и Иван Волосюк (Дзержинск), к слову, из всего списка в зале присутствует всего человек 30—35 (ни Волосюка, ни Остафийчук, кстати, в зале нет, а жаль). Потом Жуковский заявляет, что по итогам Слёта будет выбран

кандидат на Всеукраинский семинар. И заканчивает Станислав Витальевич своё выступление словами, мол, неплохо бы, по итогам сегодняшних встреч выпустить стихи участников Совещания отдельным сборником, на что Логачёв парирует, что денег на такой проект вряд ли удастся найти, мол, в лучшем случае можно разместить материалы и итоги Совещания в одном из номеров журнала «Донбасс». Затем Жуковский озвучивает кто из участников в какой секции участвует. Мы с Катей Ромащук, попадаем на семинар Елены Лаврентьевой, Матюша – к Виктору Логачёву. Затем Станислав Жуковский поясняет бытовые и финансовые условия, где жить, где питаться, как получить проездные деньги. И после вводного инструктажа все расходятся по семинарам.

Я Елену Фоминичну Лаврентьеву помню ещё с 2004 года, а буквально полтора месяца назад, в апреле, меня лично ей представили Виктор Самойленко и Любовь Новикова, которые с ней «дружат», в библиотеке им. Крупской, когда там проходила встреча с киевлянином Юрием Капланом и презентация глобальной поэтической антологии «Украина. Русская поэзия. XX век».

И вот мы, «лаврентьевцы», проходим в просторный кабинет химии, Елена Фоминична зачитывает список участников: нас 7 человек, среди нас в основном все с рабочей периферии и один дончанин – Валерий Могилевцев. А представители «глубинки»: Анна Лукашева, я, Катя, Инга Самойлова и Александр Якушенко, к тому же, в нашей группе присутствует 9-летняя Анечка (Гануся) из Славянска со своей мамой. Судя по всему, мы единственная группа, которая была намечена ещё в Донецке, и собравшаяся полным составом, в других группах по 4—5 человек. И вот Елена Лаврентьева предлагает приступать к ознакомлению с авторами и к обсуждениям. Она интересуется:

– Добровольцы есть?

– Есть, – выкрикивает белокурая девушка Анна Лукашева из Енакиева и бесстрашно выходит в центр аудитории и начинает читать стихи для детей. Сама Аня – девочка крупная, с недлинными вьющимися волосами. У неё низковатый бархатный голос и, тем не менее, стихи для маленьких в её исполнении так идеально звучат. Её произведения приводят меня в бурный восторг. Учитывая, что моей дочери всего 8 лет, я как родитель ещё являюсь активным потребителем поэзии для детей, поэтому то, что слышу я – мне очень нравится. Особенно это:

У нас пропадают из вазы конфеты.

*Их папа не любит, у мамы – диета...
К нам ночью приходит Конфетная Жрушка,
А все говорят, я – сладёна и врушка.
Никто мне не верит, хотят наказать.
А я им никак не могу доказать,
Что Жрушка приходит, крадёт к буфету.
Находит в нем вазу, а в вазе конфеты.
Съедает сама их, коварная Жрушка,
А фантики прячет ко мне под подушку.*

Я первый высказываю свой восторг, подключаются и другие участники. Анна не сдаётся и просит прочитать прозаическую миниатюру, которая оказывается не такой уж и миниатюрной. Это крик души девочки, которая из-за инфантильных мальчиков не может себя почувствовать девочкой в полной мере (вот как закрутила!). Потом она садится, и выхожу я. Читаю три стихотворения, из них одно шахтёрское, и вот как раз своё недовольство девочки Анна и её землячка Инга Самойлова почему-то обращают именно к моему шахтёрскому произведению.

Честно признаться, я не понимаю, почему цепляться нужно к тому, в чём не разбираешься, пытаюсь им это объяснить. Анна Лукашева успокаивается, а Инга продолжает выражать своё недовольство, и у меня возникает назойливое ощущение, что она определённо относится ко мне с непонятной предвзятостью*. Я занимаю своё место за партой возле Кати, а тут берёт слово Елена Фоминична и говорит:

– Вы просто послушайте, – и начинает читать мои стихи «Слишком поздно» и «Предчувствие», – вы почувствуйте, – говорит она, – какие интонации текста, они уже передают полноту информации.

Я удручён своим выступлением, всё оставшееся время я сижу практически молча, почти не вступая в обсуждения. И только когда выступает Катя Ромашук, и мама Гануси вдруг говорит: «Ну почему о любви всё так печально?» я парирую словами Роберта Рождественского:

***Если б вся любовь была счастливой —
Не было бы песен о любви!***

И Анна Лукашева восторженно поддерживает меня.

Когда выступает Инга Самойлова, я стараюсь прислушиваться, она выступает артистично, отступает назад, машет распущенными волосами, делает резкие движения в такт резким фразам. Артистка! Но стихи её проходят мимо, так же, как и стихи дончанина Валерия Могилевцева, молодого русого паренька с арамисовской бородкой. А потом выступает студент Славянского ГПУ Александр Якущенко (сам не славянец, а выходец из Изюма Харьковской области). Читает на украинском, но стихи мне определённо нравятся, образные, хотя чувствуется, что к форме он подходит не особо трепетно, но в его строках чувствуется хороший потенциал. Во время его выступлений тихонько в аудиторию заходят Жуковский с Логачёвым, присаживаются на галёрке. Оказывается, уже все семинары отзанимались, и только мы ещё не отстрелялись. И когда выступает Гануся, читая стихи из своей авторской книжки широкоформатной и цветной, отпечатанной на глянцевого бумажке, Жуковский поясняет её маме, мол, то, что ребёнок пишет стихи – замечательно, но бежать и сразу выпускать книгу ребёнку – это перебор, это может дать ложное ощущение востребованности. Жуковский и Логачёв уходят, мы заканчиваем прения и фотографируемся на память. Выходим из техникума, а на заднем дворе нас поджидает секретарь председателя Донецкой писательской организации Нина Николаевна. Мы говорим, что не остаёмся на завтрашний день, и она просит отдать ей наши проездные билеты и выплачивает нам двойную стоимость. Мы прощаемся с мэтрами, с соратниками по Съезду и уходим на автовокзал.

Я не удовлетворён прошедшим семинаром, что-то гложет, на душе какой-то осадок. Катя, как мне кажется, тоже не испытывает особого восторга. Мы едем в Горловку и обсуждаем произошедшее, пытаемся пропустить все события через сознание ещё раз, и понять, для чего всё это было нужно.

Участники семинара Елены Лаврентьевой

Через неделю мне звонит Виктор Самойленко и передаёт слова Елены Лаврентьевой о том, что по результатам съезда на Всеукраинский съезд в Киев хотели отправить меня, но поедет Валерия Матюша, т.к. на семинаре есть возрастное ограничение – 30 лет (так что я, в некотором смысле «переросток»). В принципе, это для меня всего лишь кулуарные речи, поэтому к сердцу близко я это не принимаю. Но через пару месяцев появляются официальные итоги этого Совещания молодых писателей: в журнале «Донбасс» статья о Славянском семинаре и подборка стихотворений некоторых участников (из более чем 30 авторов опубликованы 14), но произведения всех наших «лаврентьевских семинаристов» есть, кроме Гануси. Статья написана Еленой Фоминичной, где она, подводя итоги, говорит, что съезд позволил выявить с десятков авторов, у которых, несмотря на поиск своего стиля, чувствуется потенциал, и выявлено несколько зрелых авторов, и озвучивает четвёрку лидеров: Валерия Матюша, Анна Лукашева, Марина Сухотеплова и... Иван Нечипорук. Честно признаться, всё равно это очень неожиданно, настолько мне моё выступление показалось провальным. А самое главное – это моя первая публикация в толстом литературном журнале.

ПРИЁМ (25.12.2008)

Когда я выпустил второй поэтический сборник «Автографика», я подумал о том, что неплохо было бы вступить в Союз писателей. А так как за полгода до этого я пытался выйти на контакт с Межрегиональным СП и Конгрессом литераторов Украины, но меня отпугнул своей принципиальностью председатель Донецкого отделения Юрий Лебедь (хороший поэт, и хороший, в принципе, мужик, но максималистски-недемократичный). И тогда я решил, что нужно идти в Национальный союз писателей Украины, тем более, что у нас в городе членов

МСП на тот момент не было, зато представители Спилки были. Для меня Союз писателей представлялся чем-то вроде литературного профсоюза (ремесленной гильдией), а может даже братством, и я решил, что пора. После беседы с председателем Донецкой писательской организации Станиславом Жуковским, который сказал: «Я не против, собирай документы» – я пустился во все тяжкие, с наивной трепетной надеждой. Но не тут-то было, мои попытки собрать рекомендации, чтобы подать заявление, вызвали огромную негативную волну, вывернув этот подколотный околотитературный мир наизнанку. Уже через месяц после моего разговора с Жуковским, Егор Гончаров, который был моим патроном в этом вопросе, вернувшись от Станислава Витальевича из Донецка, передал мне его слова, что пока рановато, мол, надо поработать и выпустить ещё сборник, развив тему одного из разделов «Автографики». И Егор Иванович пояснил, что послужило этому виной. Был звонок в донецкое отделение НСПУ от товарища Василия Чубенко из Енакиева, к которому я ездил с просьбой написать мне рекомендацию. Но Василий Павлович вдруг весьма ополчился на меня, и не только не дал рекомендацию, но и попытался насолить посильнее. Чубенко позвонил в Областную писательскую организацию и сказал, что если они примут Нечипорука в СП, он будет писать в Киев о том, что Донецк поддерживает всяких бездарей. И только спустя пару лет я узнал, отчего такая нелюбовь: оказывается, после приезда Василия Чубенко вместе со своей протежее Натальей (Ингой) Самойловой в Горловку на одну из презентаций альманаха «Восхождение», они подарили литобъединению «Забой» несколько книжечек енакиевских авторов, и на книгу Натальи (Инги) «Улица зелёного дельфина» наш горловчанин Леонид Костенко написал несколько незлых пародий, но Чубенко расценил это обстоятельство, как личное оскорбление. И когда председатель «Забоя» Сергей Чернявский поговорил с ним по поводу меня и моей просьбы о рекомендации, то сразу меня предупредил, мол, Чубенко с нескрываемым раздражением сказал: «Пусть подъезжает!», и этот его пренебрежительный тон очень насторожил Сергея Николаевича так, что он меня предупредил: «Я бы после такого ответа не стал бы к нему соваться». Ну а я, молодой и необстрелянный – сунулся... (*Кстати, отсюда же тянутся и корни предвзятого отношения Самойловой ко мне на съезде в Славянске.) А потом было ещё пару ударов «под дых» от Натальи Хаткиной (Царство ей Небесное) и Ирины Черниченко. Ну, что ж, это были нужные «ишишки», и уроки этого террариумного сообщества я намотал на ус. Но помню, тогда я жутко захандрил, и угодил в глубокую яму сплина, выбирался из которой долго, что, в свою очередь, подарило название моей будущей книге – «Вопреки». И на какое-то время желание влиться в такую «семью» меня оставило.

Прошло более двух лет...

1 декабря 2008 года я в Славянском университете на парах вижу пропущенный звонок от Николая Федосеевича Новикова, который сменил на посту председателя ЛитО Сергея Чернявского. На перемене перезваниваю ему. И Новиков сообщает, что меня попросил выйти на связь Станислав Жуковский из НСПУ. Я тут же перезваниваю в Донецк, и Станислав Витальевич просит, нет, даже не просит, а требует, чтобы я срочно явился в НСПУ и подал документы на вступление в Спилку. Я обещаю подъехать в ближайшее время. Но, повесив трубку, я понимаю, что за эти два года ничего не изменилось! В моём активе по-прежнему всего две книжицы, с которыми меня зарубили на подходе к сбору документов, мой задуманный сборник, посвящённый шахтёрскому труду, ещё в процессе созревания, но, несмотря на сомнения, беру свои книжки, пишу заявление и, прогуляв день сессии, из Славянска еду в Донецк.

Зима по-октябрьски тепла, я в районе Крытого рынка на крыльчке Экономического университета встречаюсь с Валерией Матюшей. Накануне она позвонила мне, после подобного звонка от Жуковского и предложила скооперироваться. И вот мы вдвоём идём к заветному дому на бульваре Пушкина. Станислав Витальевич, встретив нас, настаивает, чтобы мы подали документы в течение недели. Я, памятуя, во что может вылиться сбор рекомендаций, пыта-

юсь выразить сомнения, но Жуковский отправляет нас к Первому секретарю отделения Павлу Кущу, который теперь занимает этот пост в Донецкой писательской организации, сменив Ивана Билого. Павел Викторович начинает нас инструктировать, что где брать. В кабинете у Куща сидит Виктор Руденко, хороший поэт, худой и поджарый мужчина старшего возраста – резидент и Межрегионального союза писателей, и Национальной спилки. Смерив меня одобрительным взглядом, Виктор Петрович подходит к нам, берёт со стола мою книжицу «Сделать первый шаг», пролистывает её, читает некоторые стихотворения, а потом берёт листок бумаги и, не отходя от кассы, пишет мне рекомендацию. К Валерии же он демонстративно не подходит (что мне кажется весьма странным). А я говорю Павлу Викторовичу Кущу, мол, у меня есть ещё пара человек, которые могут написать рекомендации, Наталья Бугир и Егор Гончаров. «Наталья – это хорошо, – говорит Кущ, – а вот по поводу Егора – не уверен, его голос сейчас не имеет веса. Он не в себе». И я понимаю, о чём речь, дело в том, что в прошлом году на собрании отделения Егор Иванович предложил Донецкой писательской организации выйти из НСПУ по той причине, что уже несколько лет СП не платит прибавку к зарплате писателям, так, мол, зачем нам такой союз. Никто после его выступления билет не сдал, не сдал и Егор Гончаров, но о ренегатстве было доложено в Киев, где его взяли на карандаш, как неблагонадежного. А Кущ предлагает нам лучше обратиться к Елене Лаврентьевой. В принципе, я-то уже знаю бóльшую часть членов Донецкой писательской организации, но дело в том, что практически все они члены приёмной комиссии, а потому во время голосования они не могут голосовать за своего кандидата, поэтому лучше раздобыть рекомендательное письмо «на стороне».

Мы уходим с Валерией, и идём, обсуждая эти обстоятельства, на встречу с соратницей по славянскому съезду Анной Лукашевой, которая работает не так далеко от офиса НСПУ, в районе площади Ленина. Анна, после того славянского съезда сама разыскала меня не без помощи Валерии, и, пообщавшись с моей супругой, написала про меня, вернее, про нашу семью материал для областной профсоюзной газеты, после этого наше шапочное знакомство стало перетекать в плоскость дружбы. И хотя Анна полгода назад мне говорила, что нацелена на Межрегиональный СП по причине его незаполитизированности и большей демократичности, она тоже заинтересована нашими похождениями и мы, заняв уютный столик в «Пузатой хате», беседуем за чашкой чая именно о Национальном союзе.

И вот на следующий день я отправляюсь к Наталье Бугир, прошу подписать ту рекомендацию, которую она мне давала более 2 лет назад, заверив её новой датой, а также прошу написать рекомендацию Валерии Матюше. И Наталья Сергеевна – добрая душа, не смеет отказать мне в просьбе.

И вот документы собраны и поданы в нужном объёме.

16 декабря в Горловке во Дворце ДЮТ проходит творческий вечер Елены Лаврентьевой. После выступления мы с Лерой общаемся с Еленой Фоминичной по поводу нашего выступления, и она говорит: «Я по поводу заседания приёмной комиссии в Донецке ничуть не сомневаюсь, а вот Киев...». И тут же мне добавляет, мол, за тебя обеими руками Иван Билый, так что ты за донецкую комиссию можешь даже не переживать – его голос многого стоит. Также Лаврентьева называет нам дату часа «Ч» – 25 декабря.

Но 23-го раздался контрольный звонок от Куща, который повторяет о дате и о времени проведения заседания приёмной комиссии. Следом перезванивает Николай Федосеевич Новиков (который тоже, поддавшись на уговоры С. Жуковского, подал документы) и сообщает, что если по нам будет вынесен положительный вердикт – с нас причитается. Приходится смириться и подумать о том, где раздобыть лишнюю сотню гривен для этого вопроса.

И вот 25 декабря. Я еду в Донецк на собрание. С Валерией мы встречаемся на крылечке библиотеки им. Н. Крупской и идём к НСПУ. В кабинете ответственного секретаря, помимо Куща, уже сидят Николай Новиков и незнакомый молодой мужчина с кудрявой шевелюрой,

но с большими залысынами, который оказывается ещё одним кандидатом Александром Куликовым, а также присутствуют Виктор Руденко, Вадим Пеунов, Пётр Бондарчук, Виктор Логачёв и Иван Билый. Да и в кабинете председателя полно народу. Нашего с Лерой главного рецензента, Елены Фоминичны, нет – заболела.

А нам предлагают располагаться и попить чайку. Появляется секретарь Нина Николаевна и зовёт членов комиссии в кабинет к Жуковскому, старейшины поднимаются и уходят на свой совет. Мы пытаемся снять напряжение ироничными высказываниями, посматривая на карикатурные писательские портреты на стене, попивая чай, но шум за стеной начинает нас настораживать. Судя по крикам – полемика разгорелась, как лесной пожар. Вдруг в кабинет врывается Павел Куц с обеспокоенным лицом, не глядя в нашу сторону, он хватая у себя в книжном шкафу книжку Валерии Матюши и убегает. Адреналин в наших жилах начинает зашкаливать. И вдруг крики прекращаются. Теперь нас угнетает тишина. Но вот, слышится скрип дверей, и раздаются шаги. Не говоря нам ни слова, все идут на крыльцо перекурить, мы же нетерпеливо ждём. И вот через пять минут все заходят назад в кабинет Станислава Жуковского и зовут нас. Мы заходим, как нашкодившие ученики к директору школы на ковёр. Но лица литературных аксакалов благодушны, а их взгляды ободряющи. И вот нам объявляют, что впервые за последние несколько лет одобрены все заявленные кандидатуры, и мы облегчённо вздыхаем, и, улыбаясь благодушными улыбками идиотов, пятимся назад из кабинета и в приёмной подаём друг другу знаки, что, мол, пора «накрывать поляну». Инициативу берёт в свои руки Александр Куликов, деловито объявив нам о сумме, которую необходимо внести в концессию, он ведёт нас в супермаркет «Обжора», где под его чутким руководством мы покупаем колбасы, сыры, пару кур-гриль, несколько бутылок «беленькой», и по одной бутылке вина и коньяка.

Мы возвращаемся назад в писательскую организацию, где уже сдвинуты столы и стоят стулья, а на столах расставлены рюмки и стаканы. И мы оперативно всё нарезаем, сервируем, и зовём приёмную комиссию на банкет. Старейшины заходят, рассаживаются. С ними в зал заходит незнакомый молодой мужчина и присаживается рядом с нами, он представляется и даже дарит мне визитку, где указано: Фёдор Березин, писатель-фантаст, член Союза писателей России. Также на нашем краю стола сидят Борис Белаш, Виталий Гладкий и Светлана Заготова. Разливается спиртное и первый тост за новопринятых, потом пьют за подтверждение в Киеве, а Березин с ироничной улыбкой шепчет мне заговорщицки, мол, и за меня так пили, уж пять лет прошло, проще русскоязычному автору в СП России вступить, чем в Спилку. И я понимаю, что он прав, но не хочется портить себе маленький праздник, поэтому стараюсь не думать об этом.

Очень тепло с нами общается наш экс-горловчанин Борис Белаш, добрым словом поддерживают Виталий Гадкий и Вадим Пеунов. Свои напутствия дают Станислав Жуковский и Виктор Логачёв. Четыре года назад я в этом зале чувствовал себя зажато и стеснённо, сейчас же я уже чувствую себя с этими людьми свободно и раскованно (я не пью, вернее, пью только газировку, а потому мою расслабленность не нужно ассоциировать с опьянённостью), за эти несколько лет я со многими уже знаком близко, кого-то знаю поверхностно, но одно становится понятно: за это время я вошёл в этот круг, и уже практически считаю себя здесь «своим».

Постепенно разговоры становятся более пьяными, спиртное заканчивается и мы, то бишь Николай Новиков, Валерия Матюша и я, поднимаемся, чтобы ехать в Горловку, Саша Куликов остаётся с раздухарившейся писательской братией, которая высыпала на широкое крыльцо проводить нас, а заодно и перекурить.

Мы едем домой вдохновлённые, хотя зерно неуверенности, которое посеял во мне Березин, приживается в моём подсознании.

Р.С. Хорошо, что тогда Киев не подтвердил мою кандидатуру, и мне не довелось пополнить ряды Спилки. Всё равно моё членство из-за гражданской позиции прервалось бы в 2014 году (закинутый судьбой в тот кровавый год в Киевскую область, я пытался вообще забрать свои документы из архива НСПУ). А благодаря помощи Ивана Волосюка, я всё-таки вернулся на стезю, ведущую в Межрегиональный союз писателей (правда, в обход Донецкого отделения), что открыло передо мною более широкие возможности, чем могла предложить Спилка. Всему своё время. И, конечно же, за всё слава Богу!

НА КРЫЛЬЯХ СЛОВА. ДОНЕЦК (17.04.11)

В конце 2009 года редактор молодёжного отдела газеты «Кочегарка» Денис Рафальский, с которым меня свела судьба, когда я пытался найти себя в журналистике, познакомил меня с нашей горловской исполнительницей и музыкантом – Анной Воиновой. Она хотела выпустить свою поэтическую книжку, и когда обратилась к Денису с просьбой о помощи, он ей порекомендовал меня. Я помог ей с преодолением околоиздательских лабиринтов, с наставлениями, как выпустить первую книжицу. А параллельно, в виде мастер-класса или тренинга, мы с Аней собрали небольшой коллективный поэтический сборник молодых авторов, который назвали «Вольные стражи весны» (название мы нашли в песне Александра Литвинова «Ода розовым псам») и выпустили его вскладчину в горловской типографии. А через пару недель мы, общаясь с Галиной Ивановой в «аське», договорились до того, что не плохо бы всех молодых авторов как-то объединить, хотя бы при помощи интернета, и 25 марта 2010 года мы зарегистрировали на сайте Блогспот Сетевое литобъединение молодых авторов Донбасса «Стражи весны» (просто не став изобретать велосипед). Практически в течение суток к нам с Галей присоединились почти все авторы сборника, а так же Аля Герасимович, которая так же «привела» своего уже взрослого сына и Ирина Кузнецова (Груздева). А к началу следующего года нас уже было 24 человека. Поначалу мы просто, позиционируя себя, как новое объединение, публиковались в прессе, подавали заявки на конкурсы и пр., в общем, работали над своим именем.

В 2011 году нашему Литобъединению исполнился 1 год. К своему первому дню рождения мы подготовились неплохо, выпустив свой печатный вестник – альманах «На крыльях Слова». Основной тираж нам оплатил Виктор Жук, депутат горсовета и патриот Горловки по совместительству (в прошлом году мы вместе с ним провели хороший поэтический конкурс для молодых авторов Горловки), а несколько экземпляров миниатюрного формата в твёрдом переплёте я изготовил за свой счёт. И вот наконец-то литобъединение из сети вышло в реальный мир. Это произошло в Музее миниатюрной книги (вот для чего нужен был дополнительный минитираж), где мы отметили свой день рождения и выход альманаха, в этот день собрались авторы из Горловки, Енакиева и Дзержинска. Но на этом празднике не хватало одного из столпов нового ЛитО – Ивана Волосюка, который не смог вырваться в Горловку, поэтому через пару дней он позвонил сам с предложением. В Донецк планирует приехать Александр Мухарев – молодой издатель и редактор журнала «Литера-Днепр» из Днепропетровска, и он попросил Ивана организовать встречу. А у Волосюка зародилась мысль провести совместное мероприятие, пригласив наше ЛитО на эту встречу и представить наше творчество (так сказать, совместить наши бренды). И нам эта мысль весьма пришлась по душе. Расписав приблизительную программу, мы согласовали список желающих и стали готовиться к поездке.

И вот 17 апреля я выезжаю маршруткой в Донецк, а остальные наши «стражевцы» стягиваются на место встречи самостоятельно. И вот мы в Донецкой областной библиотеке им. Н. Крупской собираемся потихоньку в фойе на третьем этаже, возле зала, который условно называем «зелёным», потому что после евроремонта помещения в нём поставили зелёные

кресла и диваны. Когда я прихожу, Иван Волосюк уже там. Он представляет мне гостей города – Александра Мухарева и миниатюрную девочку Ольгу Брагину из Киева (хотя девочке, как оказывается, уже под тридцать лет). Итак, вот появляется Оксана Егорцева, затем Анастасия Клименко вместе с босяком от поэзии Андреем Герасимовым из Енакиева, и наконец-то приезжает наша Вера Агаркова, с которой после вручения нам премии им. Н. Рыбалко мы не виделись. Вера приехала на редакционной машине, с личным водителем. Появляется Саша Курапцев с гитарой, я его знакоблю с Верой, а с остальными он уже познакомился в Горловке две недели назад. Затем появляются Аня Шемахова со светловолосым пареньком, Оля Рева со своей подружкой и Оксана Турченко, которая сегодня выгладит просто обворожительно, в элегантной одежде и с причёской а-ля Мирей Матьё. С четвёртого этажа библиотеки спускается Александр Гросов – руководитель Донецкого отделения Конгресса литераторов Украины, за которым следует группа товарищей, членов клуба творческой интеллигенции «Свиточ», в основном представители старшего поколения.

Заходим в зал, занимаем места. Я, Мухарев, Брагина и Волосюк присаживаемся на диванчиках, установленных в центре под окном, наши «стражи» и несколько гостей занимают диваны с правой стороны, а дончане из «Свиточа» – с левой. Зал просторный, уютный, с хорошей акустикой, я уже бывал в нём пару лет назад на тёплой и душевной презентации книги Елены Лаврентьевой.

И вот, мы начинаем. Хозяин сегодняшней встречи – Ваня Волосюк. Он объявляет начало мероприятия и представляет гостей. Итак, первой слово дают Ольге Брагиной, которая презентует свой поэтический сборник «Аппликации». Я уже упомянул, что Брагина очень миниатюрная девушка, голосок у неё тоже негромкий, читает она невыразительно, но стихи у неё очень интересные. Произведения у неё астротичные, стихи идут, как публицистический текст, но при этом текст поэтичный, и при правильном чтении чувствуются и стихотворные фразы и цезуры посреди строки, просто Ольга этой манерой делает своё творчество более оригинальным. Брагина заканчивает, и слово переходит Александру Мухареву. С момента нашего знакомства меня не покидает ощущение, что Александр мне кого-то напоминает. Но вот он берёт слово, начинает рассказывать о журнале, о литдвижении Приднепровья, и я понимаю, что манерой разговора, мимикой и жестами он мне напоминает Андрея Икриня, даже интонации голоса становятся дополнительным фактом в этом сходстве. Мухарев рассказывает о журнале «Литера-Днепр», о его предтече альманахе «Арт-Шум», о литературно-поэтических фестивалях и под занавес своего выступления читает стихи Влада Клёна, ушедшего из жизни в 2008 году. И не просто ушедшего, а забравшего с собой Алину Остафийчук, которая погибла в ДТП, возвращаясь с похорон Влада.

И вот третий блок отведён нам, и первым выступаю я. Рассказываю о нашем литобъединении «Стражи весны», о его появлении, о первом итоговом коллективном проекте, об успехах за год. А потом, представляю наших соавторов. Сперва свои стихи читают Оля Рева и Оксана Егорцева, потом Вера Агаркова и Анна Шемахова. Потом пару песен исполняет Александр Курапцев, который в отличие от девчонок, которые читали со своих мест, выходит в центр зала и выступает более сценически. После того, как он уходит на своё место, читает стихи Оксана Турченко, в своеобразной интересной манере, облокотившись на стол, который стоит рядом с её местом. Оксана «выросла» у меня на глазах: в литобъединение «Забой» она пришла, когда ей было 15 лет, а сейчас это успешная девушка, редактор и сценарист экономического отдела областного телевизионного канала К61 и ведущая одной из телепередач (которую я посмотрел только раз, поскольку идёт она в 7:30 утра), с недавнего времени пробующая свои силы и в прозе. И вот подходит очередь Анастасии Клименко, и пока выступает она, я понимаю, что слово Андрею Герасимову, который приехал вместе с ней, тоже нужно бы дать. Но я очень рискую, не зря я называю его босяком, он уже «отличился» на нашем горловском мероприятии стихами о сиделках-«белках» -целках, что я боюсь ему предоставлять слово – отчебучить

может всё, что угодно. И пока Настя читает свои стихи, я мучительно взвешиваю все «за» и «против». Но всё-таки, человек приехал из Енакиева ради встречи с нами и я решаю: будь, что будет. Герасимов читает стихотворение, тоже с несколько скабрёзным смыслом, но всё равно, я ожидал худшего, поэтому вздыхаю с облегчением. Теперь слово Ивану Волосюку, который читает пару произведений, а за ним, на закуску, уже со стихами выступаю я.

Итак, Волосюк подводит итоги мероприятия, и мы под занавес дарим и аль-манахи, и авторские книги, и коллективные сборники библиотеке им. Н. Круп-ской. Не спеша высы-паем на улицу, фотографируемся на крыльце, и я с Оксаной Егорцевой, Анастасией Клименко, Аней Шемаховой и её парнем отправляемся на Крытый рынок и едем в Горловку. Оля Рева с подругой остаются вместе с Александром Мухаревым, с которым она дружна со времени своего днепровского периода) и Ольгой Брагиной и идут гулять по Донецку.

Настроение приподнятое, мероприятие прошло бравурно, наше литобъединение заявило о себе уже на всю Донецкую область.

Эта встреча во многом стала знаковой, но это было только начало нашего пути. Кстати, через пару месяцев я наткнулся в интернете на полного тёзку нашего печатного органа – на константиновский альманах «На крыльях слова», а потому в следующем году, мы, выпуская второй альманах, вернули ему название первого сборника. Так к нашему двухлетию появился альманах «Вольные стражи весны» №3 (1-м был одноимённый сборник, 2-м был альманах «На крыльях Слова», так что по существу второй альманах, стал автоматически третьим). Ну, как-то так!

«ЛАВ-iN-fest» (октябрь 2011)

До 2011 года я, по существу, не сталкивался с настоящей фестивальной тусовкой. Пока дочь была маленькой, было не до того, но годы или, дочь подрастала, и у меня стала появляться видимость какой-то свободы.

Благодаря наводке Ивана Волосюка, я списался с редакцией харьковского журнала «Лав», с которой договорился о публикации работ нашего литобъединения «Стражи весны». Как позже оказалось, журнал издаётся под эгидой клуба поэзии «АВАЛ», и так получилось, что буквально через месяц коллектив клуба прислал приглашение на фестиваль «ЛАВ-iN-fest» – 2011. Я списался со своими «стражевцами», в результате мы выяснили, что желающих много, и мы отправили свои заявки. Но поучаствовать в финале получили приглашение только четверо: я, Александр Курапцев и Вера Агаркова (молодожёны нашего литобъединения, расписавшиеся буквально месяц назад), и ещё Ира Кузнецова (та самая легендарная Ирина Груздева), которая уже более десяти лет проживает в Харькове – ей сам Бог велел поучаствовать и поддержать нас морально! Итак, решено, я еду на свой первый поэтический фестиваль.

30 сентября почти в полночь я сажусь на Горловском железнодорожном вокзале в поезд Мариуполь-Харьков. Я забираюсь на свою верхнюю полку в плацкарте и благополучно отключаюсь до пяти часов. Утром, ни свет, ни заря 1 октября я в Харькове. Пассажиры оголтелой толпой вываливаются из поезда и все напрямик в здание вокзала. А я, немного задержавшись, чтобы полюбоваться скульптурным изображением отца Фёдора, следую за основным человекопоток. Метро пока закрыто, поэтому все в ожидании работы подземки спешат кто в туалет, кто занять скамейку в зале ожидания, а кто и в круглосуточный буфет, разместившийся в центральном зале вокзала. Первое, что бросается в глаза в этом буфете – огромный 35-ведёрный самовар (занесённый в книгу рекордов Украины). Не выпить чаю из такого – грешно. Поэтому с удовольствием пристраиваюсь за столиком, пью чай с пирожком (хотя, честно признаться, я не любитель ранних перекусов). Но вот чай допит, в зале наблюдается оживление, время подходит к 5.30, и все потихоньку продвигаются к метро. Я тоже спускаюсь поближе к подземке, через пару минут двери открываются, и народ благополучно вливается в гулкий ритм подземного города. Ну, раз время раннее, и до начала фестиваля более 6 часов, я решаюсь поехать на рынок «Барабашово», где, как рассказывают, можно купить недорогую зимнюю куртку. Что я хотел увидеть на рынке в 6 утра (?) – непонятно. Ночной рынок уже закрыт, дневной ещё не открылся. На весь этот базарный мегаполис открыто несколько павильонов с верхней одеждой, где хозяева родом из долины реки Меконг, плохо говорящие по-русски, за розничный товар просят «сисьсот» и не меньше. Простите меня, за такие деньги я могу купить куртку в Горловке, и не надо тащить на себе её с фестиваля. Я собираюсь ехать на место поселения, но потом решаюсь заехать на Благбаз (Центральный рынок, он же Благовещенский базар). Приехав туда, я сперва захожу в Свято-Благовещенский храм. Это моя давняя мечта, которая наконец-то осуществляется. Службы ещё нет, слишком рано, но храм открыт. В соборе почти пусто, я покупаю свечи и обхожу не торопясь храм – удивительная атмосфера. Даже не верится, что этот храм уцелел чудом, и около 13 лет простоял поруганный, пока немецкие оккупационные власти не разрешили возобновить работу прихода. После освобождения Харькова, слава Богу, собор больше не закрывался. Налюбовавшись храмом изнутри и снаружи, ретируюсь.

После храма иду на рынок, но сначала захожу в Макдональдс, хотя это противоречит моим принципам, но пирожка на вокзале для моей почти стокилограммовой туши – маловато, а других предприятий общепита не наблюдается. Оставив деньги в этом царстве фаст-фуда и не наевшись, я иду на рынок. Этому базару уже почти 200 лет, из них более 150-ти он носит название Благовещенский. Так как на часах только 7.30 – людей на рынке ещё немного, я, не толкаясь, спокойно обхожу ряды. Походив по рынку и найдя серое кашемировое полупальто по более лояльной цене, я, особо долго не меряя, забираю его, и еду в гостиницу «Авиатор».

Устроители заранее предоставили информацию, что и где находится, и приложили к инструкциям схемы расположения объектов, что весьма помогает ориентироваться. Улица Профессорская находится в микрорайоне «Сокольники», что растянулся между Лесопарком

и парком им. Горького, улочка тихая, заросшая огромными серебристыми тополями, увешанными омелами, по стволам деревьев бегают белки. Чудо, а не улочка. А вот и искомая гостиница. Я захожу в фойе, подхожу к администратору, говорю, что приехал на фестиваль, мне выдают ключ, и я благополучно попадаю в номер. Номер двухкомнатный, четырёхместный, общий коридор, и душевая с санузлом. Имеется холодильник и электрочайник, а в комнатах стоят масляные обогреватели. Я первый из жильцов, поэтому выбираю лучшие, по моему мнению, комнатку, кровать, ставлю свой баул с пальто, разгружаю свою дорожную сумку и решаюсь немного отдохнуть.

И вот к 11.30 я уже на улице Фрунзе возле литературного музея. Двухэтажное серое здание. В центральный вход я попасть не могу – дверь закрыта, но сбоку открывается калитка, и я вхожу во двор. Первый, кого я встречаю – мужчина среднего роста и среднего возраста с седоватой причёской «бобриком» и с аккуратной широкой бородкой.

– На фестиваль? – спрашивает он. Получив утвердительный ответ, он представляется: «Богдан Ант».

И я понимаю, что это один из организаторов. Я представляюсь, а он приглашает меня во двор.

Погода пока солнечная, но сегодня в Харькове ожидают дождь, а мероприятие намечено проводить во дворе. Поэтому во внутреннем дворике, который представляет собою небольшой яблоневый сад, несколько парней натягивают между стволами верёвки, на которые настилают прозрачную полиэтиленовую плёнку, делая подобие навеса. Люди устанавливают в саду столы для жюри и для выставки-продажи книг. А вместо сидений расставляют то пустые ящики, на которые кладут доски, то стопки-кубики из нарезанных листов картона, перевязанные бечёвкой, и получают своеобразные «пуфики».

Тут появляется ещё один организатор фестиваля, главный идеолог клуба «Авал» и главред журнала «Лава», представитель харьковского литературного авангарда – Андрей Костинский, высокий, худой и поджарый парень с длинным каре. Мы знакомимся, и он приносит мне семь экземпляров журнала «Лава» №7—2, с работами наших «стражейцев». Потихоньку начинают появляться участники фестиваля, и мне представляют моих земляков: озорного вида девчонку Татьяну Ковалевич и её серьёзного и не по годам степенного парня Игоря из Донецка. Нас приглашают выпить чаю или кофе, и мы, пользуясь случаем, пьём кофе и ждём открытия.

Наконец-то появляются Александр Курапцев и Вера Агаркова, которые в Харькове уже чувствуют себя более раскованно – дело в том, что у Саши в городе (в ж/м Салтовском) живут тётки, поэтому они и приехали заранее, и уезжать будут тоже не сразу. Я тут же отдаю им авторские экземпляры «Лавы», мы обсуждаем дорогу, а тут появляется Ира Кузнецова. Наша Ирина Михайловна – мама семерых ребятишек, и вот самый младший из них Алёшка въезжает во двор следом за мамой на коляске, которую ведёт молодой, но седой мужчина Михаил – сосед Кузнецовых, который вызвался помочь Ире на фестивале: и за коляской присмотреть, и дитя понячить. Также с Ирой входит гостья из Валуйков Белгородской области, подруга по литературному сайту, Галина Долгополова. Шустрая и активная дама бабаягодного возраста, весёлая, общительная и весьма обаятельная. Мы подходим к столу организаторов, и нам выдают бэйджики с логотипом фестиваля, и мы их крепим себе на одежды, также каждому участнику полагается фирменная картонная кепка. Ира, кстати, уже знакома с харьковскими фестивальными лицами, и поэтому чуть позже к нашей компании подключается её хорошая знакомая, девушка моего возраста – Елена Амберова.

Двор заполняется людьми, и я понимаю, что многие из собравшихся – фестивальные тусовщики, давно друг друга знающие. Отдельными кланами группируются харьковские авторы и гиперфестивалеры – традиционные участники, живущие неизвестно за какие средства, так как колесят по всем фестивалям Украины и СНГ без передыху. Среди всевозможных

лиц я встречаю только одно знакомое – это Марина Матвеева из Симферополя. Нет, лично мы, конечно же, не знакомы, но я её знаю как бывшего члена редколлегии литературного ежемесячника «Отражение», где часто публиковались и её произведения, пока она не встала в оппозицию к главному редактору. Был такой период в жизни Межрегионального союза писателей, когда Юрий Каплан вбил клин между нашими братьями (что пожинается по сей день). Я её помню по фотографиям в этом издании, но она с тех пор внешне немного изменилась, заматерела, что ли, но, тем не менее, это всё та же Марина – гуру крымской молодёжной литературы. И сегодня Матвеева не одна, со своей землячкой Викторией Анфимовой.

Итак, фестиваль начинается, нам объявляют, что конкурсная программа будет состоять из 4 блоков по 10 финалистов в каждой, объявляют порядок, и после представления жюри мы начинаем.

Мы сидим группкой: я, Саша, Вера и Ирина с Галиной. Слушаем, смотрим, впитываем. Я в пространном шоке от происходящего. Я не ожидал, что поэтический фестиваль – это не конкурс, а действо. В моём сознание поэзия и шоу – разные по духовному принципу вещи, но вот первый же фестиваль ломает все мои жизненные устои. Люди, преподнося свою поэзию, чуть ли не выворачиваются наизнанку. Татьяна Ковалевич, например, читая стихи, снимает с себя верхнюю одежду и швыряет её под ноги жюри. Одна из девиц, взяв в руки микрофон, усаживается по-турецки на холодный асфальт, и всё своё выступление читает стихи в такой позе, хотя один из фестиваллеров – Леонид Борозенцев из Винницы не выдерживает, подбегает к ней сзади, приподнимает её и пытается подсунуть ей под пятую точку картонку. Один из парней чуть ли не коршуном кружит над жюри, с пафосным криком выплёскивая им в лица текст, чуть-чуть не дотягивая до образа Гамлета в исполнении Высоцкого. В общем, без эпатажности – никак. Но, тем не менее, очень заметным блоком выступают трио гомельчан, как они себя называют, Литературный салун «На троих». У каждого свой стиль, но они читают хорошо отрепетированным голосом, с хорошей манерой. Оказывается, главарь этой группировки Янина (Яся) Дрозд – театральный режиссёр. Поэтому их выступления без лишних действий запоминаются именно, как декламация. И Янина, и Максим Новик очень удивительно и чётко оставляют «послевкусие» после своих чтений. Но из их тройки особенно выделяется молоденькая русоволосая и розовощёкая Мара Шмидова, которая так читает свои стихотворные инверсии знакомых сказок, как будто если она сейчас не выплеснет это в аудиторию – ей будет нечем дышать. Такая экспрессия!

Понятное дело, что я к такому морально не готов. Поэтому, когда подходит мой блок, я выступаю с традиционной шпаргалкой в руках, зачитываю тексты с бумаги и покидаю «сцену», понимая цену своего выступления. Неплохо выступили и Вера, и Саша, а так же Ира и Галина, но куда нам с нашими манерами выступления до этой лихой и совершенно не от мира сего молодёжи. Я понимаю, как я устарел в свои 36 лет, прям, как у Макара: «... мне триста лет – я выполз из тьмы». У меня сложилось весьма устойчивое убеждение, что поэзия для многих из них никакая не работа над собой, а лёгкое и воздушное самолюбование, совершенно не обременённое жизненными коллизиями. Для них стихи, как дыхание, они пишут, как дышат, и это меня с одной стороны даже радует.

* * *

*Они не такие – свободны и целеупорны,
Сказать не боятся, что душу тревожит и жжёт.
В словах и легки, и мудры, и по-детски проворны,
Их поиск себя с негативностью не сопряжён.*

Они так светлы, как безбрежность снегов Антарктиды,

*Они не боятся на горла врагов наступать.
Их цель – не копоть, и на сердце не множить обиды,
На лицах их ясных блаженства блистает печать.*

К середине третьего блока становится весьма холодно и дождливо, по плёнке, растянутой над головами, стучат крупные капли. Мы уже выпили не по одному стаканчику кофе в надежде согреться, но не тут-то было. Сырость чаепитием не заглушить, а поэтому среди «лаверов», как самоназываются участники фестиваля, развивается другая тенденция, и к четвёртому блоку большая часть уже изрядно наконьячивается (пьют в основном коньяк и вино, водка и пиво не в фаворе). И вот в завершении музыкальный блок, после которого фестиваль, который проходит под звуки падающих яблок, сворачивается и перемещается в один из харьковских пабов. Саша с Верой на пьяные посиделки не идут, поэтому распрощавшись, мы решаем разбежаться по своим углам.

Я выхожу с Ирой Кузнецовой, Лёшей, Михаилом и Галиной, с которыми идём по улице Пушкинской, а потом по улице Иванова в сторону площади Свободы, делимся наблюдениями и ругаем отсутствие бабьего лета. А дальше идём на остановку и разъезжаемся, кто на троллейбусе, кто на метро, и я, сев в маршрутку, еду на Сокольники.

Я еду и понимаю, что, по-видимому, я – совершенно не фестивальный человек, я очень утомлён и опустошён, и пребываю в некоем культурно-эстетическом шоке, хотя сказать, что мне не понравилось – не скажу.

Отоварившись в минимаркете при заправке возле остановки маршрутки, прихожу в номер, завариваю чай и ужинаю, чем Бог послал. Уставший за целый день, я валюсь с ног, укладываюсь и моментально засыпаю. Среди ночи я слышу, как в соседней комнатухе номера собираются люди, и начинается гужбан с пьяными песнями под гитару. Потом раздаётся робкий стук в мою незапертую дверь, и в комнату заходит гомельчанин Максим Новик, который увидев, что я проснулся, шёпотом говорит: «Я только одеяло возьму и пойду в номер к жене». А я спросонья спрашиваю: «А кто твоя жена?», на что Макс отвечает: «Янина», – и уходит. А я, несмотря на эпигонский рёв «под Высоцкого» из-за стены, вновь проваливаюсь в глубокий сон.

Утром просыпаюсь от трели будильника, встаю, и слышу, что за стеной, по-моему, ещё не ложились. На сегодня у нас запланирована поездка в Чугуев в музей И. Репина, встреча в 10:00 возле станции метро Пушкинская. Я встаю, умываюсь, а из второй комнаты выглядывает взлохмаченный киевлянин Богдан Головченко, которого я запомнил вчера по шляпе, обмотанной банданой (он вообще по жизни, как я потом узнаю, – тот ещё шляпник). Он в комнате не один, с ним его миниатюрная юная спутница Таня Я., 16-летняя девчонка, тоже пишущая стихи, но не вышедшая в финал и бард Александр Слюсаренко, именно он всю ночь голосил под гитару за стеной до утра. Они удивлены, что пора уже выезжать. Я выхожу из гостиницы вместе с Галиной Долгополовой, Богданом и его Татьяной. На остановке нам приходится постоять минут десять. Когда появляется нужная маршрутка, мы спокойно добираемся до площади Ярослава Мудрого и возле метро встречаем Богдана Анта. Попозировав перед фотокамерой на фоне памятника величайшему «украинцу», мы переходим на другую сторону площади, где возле киоска на Пушкинской, ожидая всеобщего сбора, пьём кофе и уплетаем пирожки. Но вот сбор заканчивается, нас немного, но часть фестиваллеров с Костинским и ещё одним из столпов АВАЛа Виталием Ковальчуком подъедут прямо на автовокзал №6, который в народе именуется «На Пролёте» (производное от «Пролетарской» станции метро). На автовокзале собирается приличная компания, когда Ковальчук пригоняет «Богданчик» под загрузку, мы понимаем – будет весьма тесно. Чудом втискиваемся в салон, Ира Кузнецова умудряется влезть с коляской (не без нашей помощи), в тесноте да не в обиде, – поехали!

Чугуев встречает пасмурной погодой, но не дождливой, и то – слава Богу, после вчерашнего вымерзания не хочется опять околевать на ветру под дождём, с угасшими надеждами

на бабье лето. У нас появляется дама-экскурсовод, которая ведёт нас по городу, рассказывает историю возникновения поселения. Она ведёт нас по ул. Розы Люксембург, где на доме №8 висит табличка «Дом-музей Ильи Репина», но мы благополучно проходим мимо. На мои удивлённые вопросы экскурсовод поясняет, что наша цель – Галерея искусств им. И. Репина, а это всего лишь дом его родителей (да и то, там они прожили всего несколько лет), и вообще, там смотреть нечего. Я экскурсоводу не доверяю, так ли уж и нечего, ведь это художественно-мемориальный музей. Но мне выбирать не приходится, и мы идём далее по улице, вначале к торговым рядам XIX в., а потом переходим чуть ближе к Свято-Покровскому храму. Я сначала было подумал, что это бывший ДК, переоборудованное под храмовое помещение, ан нет, это своеобразная архитектура с крупными колоннами ввела меня в заблуждение, да ещё отсутствие куполов, которые после возобновления работы собора так и не были восстановлены. Храм старый, с почти 200-летней историей, хотя первый деревянный храм на этом месте появился ещё раньше.

И вот после обзорной экскурсии наш гид заводит нас в Художественную галерею музея им. И. Е. Репина. Работ Ильи Ефимовича здесь нет – эта галерея представляет собою постоянную экспозицию лауреатов премии им. Ильи Репина. Нас делят на 2 группы, просят пользоваться только одним фотоаппаратом, чтобы не было фотовспышек, и знакомят с выставочными залами. Неплохая экскурсия, познавательная, но публика всё равно заскучала, потому что по залам нас водят более часа. И вот нас выводят из музея и ведут в Центр культуры г. Чугуева «Имидж». Здесь будет проводиться слэм-турнир. Я ещё плохо представляю, что это такое, но когда мне разъясняют – я понимаю, это не для меня. Уж если фестиваль – это поэтически-театральное ристалище, то слэм – это поэтические гладиаторские бои. Инициативу в руки берут Виталий Ковальчук и винничанин Леонид Борозенцев – застуженные слэмеры фестивальной Украины. Наша «банда» во главе с Галиной Долгополовой, отойдя на второй план, покупает пиво «Белый медведь», сыр-косичку и мы большую часть турнира пьём жидкий хлеб, так как нас немало, я бегу в соседний магазин за добавкой. Наконец-то объявляется победитель – Наталья Лощёнова, её заслуженно (и аккуратно) осыпают традиционным денежным дождём – турнир окончен! И вот нас дружно ведут в кафе, недалеко от автовокзала, где кормят всю нашу окололитературную братию вкусным обедом. Я прикидываю наш маршрут: устроители-то поступили весьма грамотно. От автовокзала до Покровского храма 200 метров, от собора до галереи 100 метров, от музея до «Имиджа» – 200 метров, и до кафе тоже метров 150, то есть, нам и уставать некогда, а до вокзала вновь – подать рукой. Очень удачный маршрут. После обеда идём на автовокзал, и я опять в недоумении, нам обещали показать живописный берег над Донцом под названием «Обрыв», на что устроители парируют – обрыв будет в следующий раз, никто не думал, что мы так долго пробудем на экскурсии в галерее, поэтому времени мало. Нас ждёт Планетарий. И мы едем в Харьков, где вновь ныряем в метро и выныриваем уже на площади Советской.

Площадь ранее называлась Советской Украины, ещё пару месяцев назад в центре, возле исторического музея стоял памятник «Провозглашения Советской власти», в народе называемый «Пятеро с холодильником» (иногда «трое из ломбарда»), но в этом году памятник решено было демонтировать, и когда появится финансовая возможность, установить его возле ДК ХТЗ. Я, идя с группой дорогих товарищей, обращаю внимание на Свято-Покровский монастырь, на его сверкающие в предзакатном свете купола, и даю себе обещание заехать сюда завтра. Последний марш-бросок и мы приходим к пункту назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.